

В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

Г. УСПЕНСКИЙ

АСКАНИЯ-НОВА

2328

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

1875
L. J. ...
L. J. ...

297

БИБЛИОТЕКА
№ 2248
ПОЛОЦКОГО ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В нашей великой стране, строящей коммунизм, идет грандиозная переделка природы. Советский человек подчиняет своей разумной воле могучие силы природы и ее неисчерпаемые богатства. Из земных недр извлекаются металлы, уголь, нефть и различные минералы. На месте дикой тайги вырастают светлые города. Осушаются гнилые малярийные болота и превращаются в сады и хлебные поля. Унылые бесплодные пустыни орошаются и пробуждаются к жизни.

По сталинскому плану преобразования природы идет всенародное наступление на злейшего врага нашего земледелия — засуху.

Среди всех этих гигантских мероприятий, осуществляемых нашим народом под руководством партии большевиков и великого Сталина, очень большое значение имеет работа по преобразованию животного мира нашей страны. Зоотехники улучшают и выводят новые, высоко-

На
гся
то

как
ен-
ла-
ки-
п-
рк
н-
я,
и-
и
я
х,

продуктивные породы домашних животных, а зоологи работают над преобразованием диких животных наших лесов, степей, гор и водоемов, добиваясь того, чтобы полезные животные были всемерно размножены и разумно расселены, а вредные были уничтожены или сокращены в численности.

У нас много научных учреждений, занимающихся вопросами животноводства, звероводства или изучением диких животных в природе. Среди них есть один научный институт, который, наряду с разрешением неотложных, очередных задач социалистического животноводства, занимается и вопросами животноводства будущего.

Этот институт работает над глубокой перестройкой животного организма, одомашниванием полезных видов диких животных и обогащением животного мира нашей страны.

Об этом, заслужившем всемирную известность, советском научном учреждении — Всесоюзном институте гибридизации и акклиматизации животных «Аскания-Нова» имени академика М. Ф. Иванова — рассказано в этой книге.

АСКАНИЯ-НОВА И ЕЕ МЕСТО НА КАРТЕ

В Асканию-Нова ежедневно приходит много писем. На конвертах написаны разные адреса: то она именуется «институтом», то «заповедником», то «зоопарком», то «совхозом».

Ни один из этих адресов не противоречит истине, так как Аскания-Нова — это сложный научно-производственный комбинат, в котором исследовательская работа научно-института сочетается с большим племенным животноводческим хозяйством. Здесь же находятся крупнейший в стране акклиматизационный зоологический парк и самый обширный на юге Украины массив искусственно выращенного леса. Этот лес — живая лаборатория, в которой изучаются процессы приспособления — акклиматизации — в степной зоне различных древесных и кустарниковых видов. Всё это расположено среди моря заповедных целинных степей, тщательно охраняемых,

Новый квартал в поселке Аскания-Нова.

как памятник природы далекого прошлого нашей Родины.

Точно определить географическое положение Аскании-Нова, по общепринятым ориентирам, несколько затруднительно, так как вблизи нее нет ни больших рек, ни гор, ни крупных городов. Аскания-Нова окружена однообразными степными просторами и не случайно иногда называется «степным островом», «оазисом».

Положение островов в море обычно определяется их географическими координатами. То же можно сделать и в отношении Аскании-Нова. Она находится на $46^{\circ} 28'$ северной широты и $33^{\circ} 52'$ восточной долготы. Прямо на юг, в двадцати четырех километрах от Аскании-Нова, ровная как стол, степная равнина обрывается крутым берегом Западного Сиваша. В ста километрах к западу, у широкой дельты Днепра, стоит старый город Херсон, а к северу и востоку трудно назвать и такие отдаленные ориентиры. До ближайшей железнодорожной станции Ново-Алексеевки (Сталинской ж. д.) 76 километров, а ближайшая пристань на Днепре — город Каховка — в шестидесяти километрах от Аскании-Нова.

Природа степных просторов, окружающих заповедник, очень своеобразна и нередко бывает враждебной человеку. С этой природой нужно, хотя бы бегло, ознакомиться, чтобы по-настоящему оценить значение тех побед, которые одержал наш народ, создав «Зеленый остров» в степи. Новые, огромные перспективы покорения степей открываются сейчас в связи с проведением канала Каховка — Аскания-Нова. Воды Днепра будут питать степи и превратят выжженные земли в плодородные поля и цветущие пастбища.

ПРИРОДА ПРИСИВАШЬЯ

Присивашская степь в конце апреля справляет свой короткий праздник весеннего цветения. Два вида степных тюльпанов, алый и желтый, голубые и желтые ирисы появляются среди прошлогодней травы, образуя местами настоящий цветочный ковер. Но проходит восемь-десять дней, и нарядные цветы исчезают до следующей весны. Тогда начинают распускать свои длинные цветочные косицы перистые ковыли. Степь в это время отликает тусклым серебром и волнуется под ветром, как хлебное поле.

Скоро отцветают и ранние ковыли.

Общий фон степи становится желтым, и на нем делаются заметнее отдельные характерные растения, еще продолжающие развиваться и зеленеть. Грудница, или «степной чай», своими опушенными листьями образует сизые, как бы покрытые инеем, островки среди желтеющего ковра злаков — ковылей, типчака, тонконога. Изредка возвышаются похожие на кустарник ветки кохии, а в ложбинках цветет мелкими желтыми цветами люцерна серповидная и голубыми — вика мохнатая. Издалека виднеются редко разбросанные шаровидные кустики верблюдки, кермека, резака, которые, завершив осенью свой жизненный круг, отламываются от корней и, гонимые ветром, катятся по степным просторам, рассеивая свои созревшие семена. Русский народ объединил эти относящиеся к разным семействам, но сходные по внешней форме и способу распространения своих семян расте-

ния общим метким и красочным названием — перека-ти-поле.

Там, где покров степной целины нарушается плугом или лопатой, даже сусликами, роющими свои норки, поселяется красивый, но злой сорняк — курай, также относящийся к группе перека-ти-поле.

На уплотненных участках почвы, например там, где пасется много скота, степь зарастает полынью — горькой и душистой травой пастушеских кочевий.

Из настоящих кустарников в присивашской степи изредка встречается только один вид — бобовник, который иногда называют диким миндалем. Это низенький, двадцати-тридцати сантиметров высоты, щуплый кустарник с небольшими ланцетовидными листочками, цветущий в конце апреля мелкими розовыми цветами.

Если в июне пройдет хоть один дождь, в целинной степи начинается буйный рост позднего злака — ковыля-волосатика. Этот ковыль быстро развивается и дает обильное количество семян. Семя волосатика покрыто жесткой оболочкой и похоже на иглу, снабженную длинным тонким хвостиком, который на конце закручивается упругим штопором. Это форма приспособления растения к жизни в засушливой степи. Семя волосатика, попав на землю, вонзается в нее своим передним острым концом, а его штопороподобный хвостик под действием ветра начинает вращаться и ввинчивать семя в землю. Оболочка семени покрыта мельчайшими зазубринками, позволяющими ему скользить только вперед. Углубившись в сухую землю на пятнадцать-двадцать сантиметров, семена могут лежать в ней, не теряя всхожести по несколько лет, до обильных дождей, которые и вызовут их прорастание.

Местные жители называют ковыль-волосатик и его семена — «тырса». Тырса — жестокий бич овцеводства. Семена волосатика запутываются в шерсти животных, постепенно пробуравливают кожу, вызывая нарывы, и могут проникнуть глубоко внутрь тела. Отмечены случаи, когда усики тырсы находили в полости сердца овцы, куда они проникали по кровеносным сосудам.

Мы описывали нетронутую, целинную степь Присивашья, какую сейчас можно увидеть только в Аскании-Нова.

Двадцать две тысячи гектаров целины сплошным массивом примыкают к усадьбе института с востока и се-

Ботаники за работой в заповедной степи.

веро-востока. Это и есть государственный степной заповедник Аскания-Нова. Из этих земель полторы тысячи гектаров являются абсолютным заповедником, где не только запрещена всякая хозяйственная эксплуатация степи, но не допускается и хождение посторонних лиц. На остальной площади асканийских целин производится сенокос и умеренный, ограниченный строгими нормами, выпас скота.

Заповедных степей Аскании-Нова никогда не касался плуг. Они сохранили почти без изменений ту растительность, которая лет двести назад покрывала громадные площади на юге Украины.

За границами заповедника целинных степей давно уже нет. Бесконечные колхозные и совхозные поля, лесополосы, поселки, фермы, силосные башни, скирды сена и соломы, работающие тракторы и автомашины на многочисленных грунтовых дорогах, — таково сегодняшнее Присивашье.

Климат Присивашья сухой. Здесь выпадает в среднем всего около четырехсот миллиметров осадков в год. Эти осадки — редкие дожди и скудные росы — бывают пре-

имущественно летом, когда раскаленная почва, не успев впитать благотворную влагу, тут же испаряет ее в воздух. Весна здесь наступает медленно и незаметно. До половины апреля обычно дуют сильные северо-восточные ветры, приносящие сухой холод и задерживающие развитие растительности. Иногда эти ветры господствуют до конца мая и дольше и, при общем повышении температуры воздуха, становятся иссушающими, чрезвычайно вредными для всходов хлебных культур и трав. Это заслужившие недобрую славу степные суховеи.

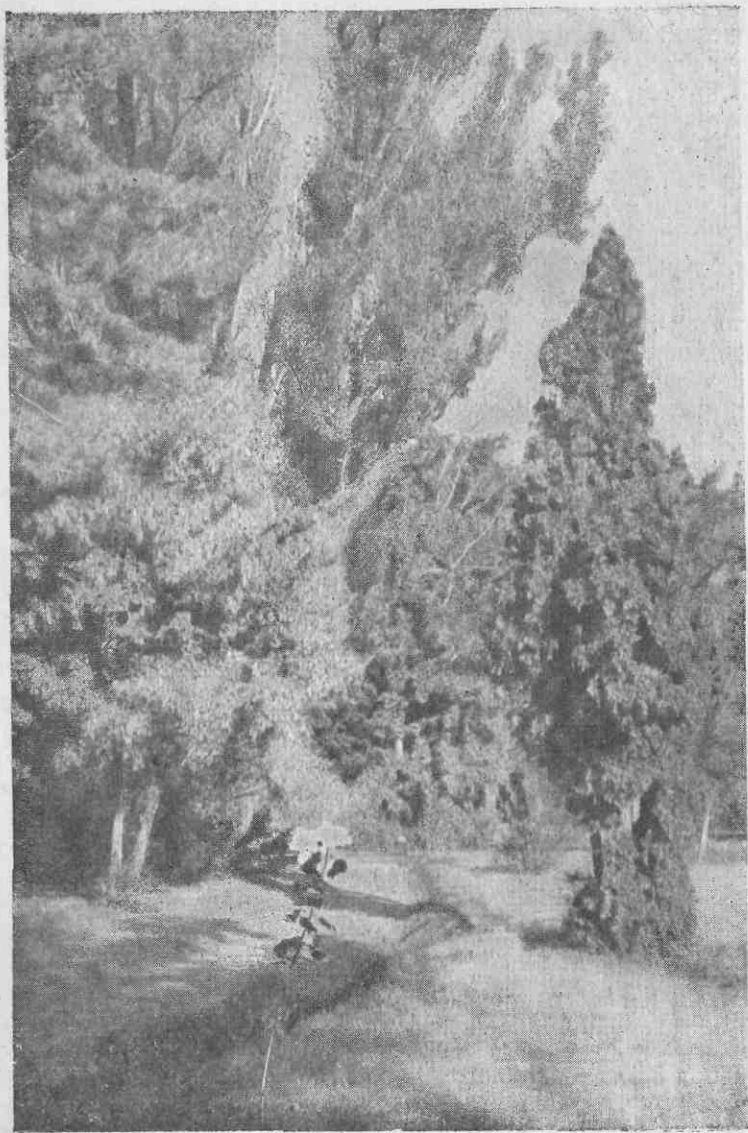
Но настоящее бедствие наступает тогда, когда приходит «черная буря». По малоизученным стихийным причинам весенний суховец иногда достигает штормовой силы. Он вздымает в воздух огромные массы почвенных частиц, застилает черным пологом солнце — и безоблачный весенний день превращается в зловещие сумерки. Ростки пшеницы, ячменя, семена еще не проросших растений выдуваются ветром из почвы и, вместе с тучами пыли, несутся по воздуху. На полях и дорогах образуются пылевые сугробы. Молодые лесополосы, заборы, насыпи доверху заносятся распыленной землей, а целинная степь становится черной, как после пожара.

К счастью, черные бури не так уж часто посещают эти края.

После неустойчивой, медлительной весны, внезапно наступает лето, с палящим зноем и обманчивой игрой степных миражей. Раскаленная почва трескается и теряет остатки влаги. Большинство степных трав заканчивает свое развитие и засыхает. Только такие засухоустойчивые формы, как кермек, верблюдка, резак, курай, — живут и развиваются в разгар степного лета. У этих растений необычайно мощная корневая система, проникающая более чем на метр в глубину почвы и широко разветвленная. Такие корни используют остатки влаги, собирая ее из больших объемов почвы.

Если в августе проходят дожди, то наступает вторичное оживление растительности. Снова зеленеет степь, выгоняя осенние всходы злаков и позднего разнотравья.

Ранняя осень в Присивашье обычно бывает самым приятным временем года. Осенняя зелень в степи нередко сохраняется до середины зимы, когда медлят приходиться морозы и метели. Бывает, что даже в январе пригревает солнце, поют жаворонки и пасется в степи скот.

В старом парке.

Однако присивашской зиме нельзя доверять. Может внезапно наступить резкое похолодание, температура воздуха упадет от 5 градусов тепла до 20 градусов мороза. Или бывает так, что после теплых дней с легким южным ветерком вдруг задует свирепый норд-ост, закружится в воздухе мелкий снег — и всё степное пространство потонет в хаосе бурана. Заботливый чабан зимой никогда не угонит при подозрительной погоде своих овец далеко от кошары. Они могут погибнуть, застигнутые бураном в открытой степи.

В степи, как и на море, многое зависит от капризов погоды.

Одним из главных, чаще всего враждебных, элементов степного климата является ветер.

Если растительность асканийских заповедных целин показывает относительно полную картину прошлого, то этого, к сожалению, нельзя сказать об их животном мире. Некоторые характерные степные животные южной Украины исчезли.

Так, еще в начале прошлого столетия безвозвратно исчезла дикая степная лошадь тарпан, еще раньше исчезла оригинальная антилопа сайга. В древние века исчез как вид дикий предок серого украинского скота — степной (таврический) тур. Полтора-два столетия назад исчез в Присивашье русский сурок — байбак. Степные птицы: дрофа, стрепет, авдотка и степной орел — некогда в больших количествах гнездились в Присивашье. Теперь же только три последних вида в ничтожном числе еще гнездятся на заповедных целинах Асканий-Нова, а самая крупная из наших сухопутных птиц — дрофа — бывает в Присивашье только залетным гостем, осенью и зимой.

Всех этих животных можно назвать классическими степняками. Их нормальное существование обеспечивается только обширными пространствами дикой целины. Они не смогли приспособиться к новым условиям жизни, вызванным хозяйственным освоением степей южной Украины, и постепенно исчезли или переселились на восток, в малонаселенные целины Поволжья и Казахстана. Наиболее печальная судьба постигла тура и тарпана. Эти виды исчезли совершенно и повсеместно. Только кости этих животных сохраняются, как большая редкость, в некоторых музеях. Говорят, что последних на земле

тáрпанов переловили живьем донские казаки и затем, скрещивая их с домашними лошадьми, растворили остатки этого вида в крови своих скакунов.

В истории байбаков есть загадка. На Украине байбаки исчезли еще задолго до того, как были распаханы целинные земли. Уже около ста лет назад в Присивашье на обширных еще тогда целинах о байбаках напоминали только бесчисленные, разбросанные по степи, холмики — сурчины, сложенные из земли, выброшенной зверками при рытье своих нор.

На асканийских заповедных степях до сих пор хорошо заметны заросшие травой старые сурчины. Их очень много, но самих сурков нет и никто из старожилов про них не помнит. Вероятнее всего предположить, что лет полтораста-двести назад на юге Украины все байбаки вымерли от какой-то повальной болезни, которой так подвержены почти все грызуны.

В целях восстановления байбаков на заповедной целине, в Аскании-Нова в 1934 году провели опыт их вольного выпуска в степь, для чего 25 байбаков было привезено из заповедника «Стрелецкая степь», где они сохранились. Байбаки занорились и прижились в Аскании-Нова, стали размножаться и сейчас образуют колонию в 200—250 особей. Это и всё «стадо» байбаков, которое есть сейчас в Присивашье.

Иначе дело обстоит с мелкими формами степных животных. Они хорошо приспособились к жизни среди возделанных полей, садов и поселков. Некоторые даже увеличились в числе. В степную фауну влились новые виды, привязанные к человеку.

Следовательно, современный животный мир асканийских заповедных степей только в известной мере может служить живым памятником минувшего.

Из хищных млекопитающих животных сейчас здесь бывает заходом волк, постоянно живут лисица, степной и обыкновенный хорьки, ласка. Богаче и полнее представлены степные грызуны. Мы перечислим наиболее обычных из них в нисходящем порядке по величине зверков: заяц русак, байбак, хомяк, малый серый суслик, тушканчик большой, стадная и обыкновенная полевки, полевая мышь.

В биологии многих грызунов есть одна интересная особенность. Их численность подвержена резким колеба-

Малый серый суслик выглядывает из своей норки.

ниям. Такие виды, как заяц, суслик, полевки, периодически накапливаются в огромных количествах, а затем могут почти совершенно пропадать. В Аскании-Нова бывали такие годы заячьих «пиков», когда идущий по степи человек непрерывно вспугивал зайцев, но уже через год они становились редкостью. Это зависит от многих причин, еще мало изученных.

Вечером, при наступлении темноты, в асканийской степи часто можно видеть южного ежа, который с легким дробным топанием и шуршанием охотится в траве за насекомыми, а подчас и за яйцами гнездящихся на земле птичек.

В присивашской степи, кроме оседлых и гнездящихся летом видов птиц, бывает много пролетных гостей и временных зимних жильцов.

Летом трудно бывает увидеть стрепета или авдотку — этих осторожных питомцев целинной степи. Значительно чаще удастся наблюдать степного орла, сидящего на телеграфном столбе, на сурчине, на копне сена или парящего в знойном воздухе.

Всюду в степи и на полях встречаются жаворонки, и в утренние часы слышатся их нехитрые песенки. Без жа-

Птенцы степного орла в заповедной степи.

воронков трудно представить себе степь. Их здесь несколько видов: степной, или «джурбай», короткопалый, хохлатый, полевой. Зимой семья жаворонков увеличивается за счет нескольких прилетных видов, а часть гнездящихся, при сильных похолоданиях, откочевывает немного южнее. Русский народ недаром любит и поэтизирует жаворонков: они приносят нам неоценимую пользу, истребляя вредных насекомых. Так же обычны и многочисленны в летней степи Присивашья мелкие насекомоядные сокола — кобчик и пустельга. Эти неутомимые охотники за кобылками, жуками, бабочками от зари до зари реют над степью. Пустельги часто останавливаются в воздухе, быстро трепеща крыльями, и, высмотрев добычу, стрелой падают вниз. Правда, пустельги частенько хватают и весьма полезных нам ящериц, но зато они же беспощадно преследуют мышей и полевок. Эти соколки заслуживают народную любовь и заботу не меньше, чем жаворонки.

Иногда, в засушливое лето, в асканийской степи вдруг появляется огромное количество нелетающей «итальянской» саранчи — пруссика, который, напав на растущие хлеба, может причинить им серьезный ущерб.

Вот тогда-то особенно показательной становится полезная деятельность птиц. На пруссика набрасываются почти все пернатые обитатели степи. Как бы на помощь к ним, прилетают с низовьев Днепра кроншнепы, чибисы, с морских побережий — чайки-хохотуньи, а из асканийских парков — стаи грачей.

В степи много разных мелких и средних птиц, особенно в периоды сезонных перелетов, когда здесь могут неожиданно встретиться и жители далеких тундр и птицы морских побережий.

Из пресмыкающихся животных Присивашья больше всех обращает на себя внимание приткая ящерица, которая в солнечный летний день встречается в степи постоянно. Порядочно здесь и змей. Из них самая крупная, но совершенно безвредная — полоз, достигающий в некоторых случаях двух метров длины. Из ядовитых змей часто встречается степная гадюка. Ее укусы могут быть опасными и для человека.

Обилие солнца и тепла в летнее время обеспечивает развитие в присивашской степи богатого мира насекомых. В разгаре лета из-под ног идущего по целине человека брызгами разлетаются бесчисленные кобылки и кузнечики, которые сухим треском своих крыльев как бы подчеркивают стоящую кругом сушь и зной.

Встречаются здесь характерные южные жуки — медлительные чернотелки и «священные» навозники древних египтян — скарабей. Скарабей скатывает из навоза идеально круглые шарики величиной с мелкое яблоко. В такой шарик самка жука откладывает свои яички, из которых скоро выводятся личинки и начинают питаться навозом. Среди бабочек бросаются в глаза перламутровки.

Как и везде, здесь, в Присивашье, большинство насекомых в той или иной степени являются вредителями сельского хозяйства. Особенно вредны различные бабочки-совки, листогрызы и саранчевые. Борьба с вредными насекомыми становится одной из многих неизбежных задач при хозяйственном освоении степи.

Среди такой своеобразной природы возникла и выросла Аскания-Нова, советское научное учреждение, основной задачей которого является направленное преобразование этой природы на благо ее хозяина — советского человека.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Много исторических событий видело Присивашье.

Древнегреческие колонизаторы из своих поселений на крымском побережье пытались проникнуть на север, в глубь таинственной Скифии.

Половецкая конница и орды Батяя топтали необозримые «копкипчакские» целины.

Много позднее отряды запорожцев, преследуя разбитые шайки грабителей-турок, осаживали своих коней на крутых берегах Сиваша.

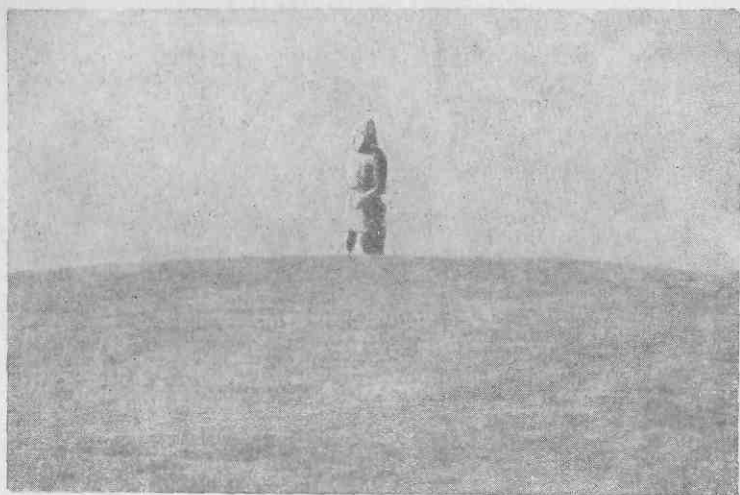
Одна особенность есть в истории этого края. До сравнительно недавнего прошлого здесь не было постоянных больших человеческих поселений, и люди не строили городов, дворцов, храмов.

Частые засухи, суховей, черные бури не способствовали развитию земледелия, которое обуславливает оседлую жизнь человека, его стремление прочно и удобно обосноваться на избранном месте. Люди занимались здесь животноводством и кочевали со своими стадами по необозримым степям. Воевали с соседями за лучшие пастбища и редкие степные колоды. Отбивали друг у друга невольников, скот и кочевой скарб.

Мало памятников материальной культуры оставила в Присивашье та далекая эпоха. Но широко известны многочисленные изваяния из днепровского известняка, ранее стоявшие на степных курганах и поездах шляхам. Это так называемые «каменные бабы» — двухметровые фигуры, изображающие стоящую женщину с явными монгольскими чертами лица, в странном головном уборе и с сохранившимися следами изображения различных украшений на costume. У всех фигур одна та же поза: сложенные на животе руки держат какой-то, похожий на книгу, предмет.

Сейчас все эти памятники разобраны, музей, и только в Аскании-Нова несколько подобных фигур стоят в степи, вероятно, на своих первоначальных исторических местах.

Археологи считают, что «каменные бабы» были сделаны половцами, но остается загадкой их назначение, что это — идолы, или надгробные памятники, или просто указатели древних караванных путей, своего рода степные маяки?

«Каменные бабы» на древнем кургане.

Во времена Екатерины Второй к России был присоединен Крым, и после этого русское царское правительство стало щедро раздавать присивашские земли разным выходцам из Германии, разорившимся у себя на родине аристократам и кулакам-колонистам.

Огромный кусок степной земли в 50 тысяч десятин был за бесценок куплен немецким герцогом Ангальт-Кетенским. Он построил среди своих новых владений небольшой хутор и дал ему «романтическое» название «Аскания-Нова». Однако этот искатель счастья на чужой земле был плохим хозяином, скоро прогорел и продал свою землю другому приехавшему в Россию немцу — Фейну. Фейн не имел дворянского герба, но зато имел кулацкую ловкость и стал всемерно развивать в Аскании-Нова наиболее надежную, в условиях того времени, отрасль — овцеводство. Разбогатевший Фейн вскоре породнился с семьей другого колониста, Фальца, и дал начало роду Фальц-Фейнов — крупнейших помещиков на юге Украины. Капиталы помещиков-колонистов пухли, как на дрожжах, от безудержной эксплуатации местного населения.

В то время в Каховке существовал так называемый «людской» рынок, который сильно напоминал невольничьи рынки Америки. Ранней весной на этот «рынок» сходилась деревенская беднота и продавала себя помещикам за мизерную плату, по 5—6 рублей за сезон от «вешнего Николы до Покрова», то есть с апреля по ноябрь.

Баснословно дешевые рабочие руки создавали богатства Фальц-Фейнам и давали им средства на удовлетворение самых неожиданных и расточительных пристрастий. Последний из Фальц-Фейнов, Фридрих, еще в молодости увлекся коллекционированием и, имея миллиардное состояние, мог удовлетворить любые свои причуды. Он производил раскопки степных курганов и собирал утварь древних погребений, почти ничего не передавая в музей. Он собрал почти всех «каменных баб» в Присивашье и выставил их шеренгой возле своего дома. Наконец Фальц-Фейн решил обзавестись собственным зоологическим садом. За большие деньги он стал выписывать редких экзотических животных и содержать их в Аскании-Нова без опыта и знания дела.

Судя по архивным материалам, первая вольтера для диких животных в Аскании-Нова была оборудована в 1874 году.

Звери и птицы часто погибали в примитивных условиях фальц-фейновского зоосада; на их место привозили новых.

Тем не менее, постепенно, поглощая огромные средства, зоосад расширялся.

Видные русские ученые стали посещать Асканию-Нова и, в беседах с ее хозяином, внушили ему мысль заняться опытами акклиматизации различных полезных животных на юге Украины. Эта идея преломилась в понятии Фальц-Фейна опять-таки как чисто спортивная затея. Он вдруг почему-то решил акклиматизировать в присивашской степи... зайца-беляка, совершенно не считаясь с биологией этого таежного вида и с практическим смыслом самого мероприятия. Несчастных беляков сотнями завозили в Асканию-Нова, выпускали в степь, а через месяц-полтора убеждались, что они все здесь уже погибли. Так повторялось несколько раз, пока самому Фальц-Фейну не стала очевидной вся нелепость этой затеи.

Однако в отношении некоторых других видов затраченные средства и вложенный труд наемного персонала свое дело сделали. В Аскании-Нова было создано единственное в России размножающееся стадо страусов.

Неплохо прижились некоторые африканские антилопы, которые, правда, содержались в почти тепличных условиях.

Была собрана коллекция фазанов и различных водяных птиц.

Вместе с зоопарком в Аскании-Нова выросли и люди, которые своей любовью к животным и своим трудом обеспечивали достигнутые успехи. Этим людям, в большинстве местных крестьян, никто не учил. Нанявшись в зоопарк простыми рабочими, они собственной смекалкой и наблюдательностью постигли особенности ухода за редкими дикими животными. Некоторые из этих пионеров — служителей зоопарка работают в нем и сейчас, будучи уже почтенными пожилыми людьми, и передают свой богатый практический опыт советской молодежи.

В истории ботанического парка Аскании-Нова есть много общего с историей ее зоопарка. Здесь также удовлетворялась спортивная страсть хозяина, вкладывались огромные средства, также выполнялись нелепые причуды и делалась масса ошибок и также стихийно вырастали будущие мастера паркового строительства.

Великая Октябрьская социалистическая революция передала Асканию-Нова народу, руками которого она была воздвигнута.

Период гражданской войны на Украине был полосой тяжелых испытаний для нашей Аскании. Ее территория неоднократно попадала в полосу боев и захватывалась то деникинцами, то петлюровцами или махновцами.

Служебные дневники персонала зоопарка того времени рассказывают, как развлекались «господа» белые офицеры стрельбой из наганов по... черным лебедям и страусам. Как резали «для стола» квартировавшего в Аскании деникинского полковника редчайших антилоп. Как наехавший осенью двадцатого года белоказачий полк дочиста разграбил все заготовленные на зиму корма для животных.

По окончании гражданской войны началась новая, советская эпоха жизни и развития Аскании-Нова, все

земли которой были объявлены государственным степным заповедником.

Восстановив потери, причиненные войной и разрухой, советская Аскания сразу же взялась за разрешение совершенно новых задач.

Задачи эти были сложны и разнообразны. Нужно было работать над преобразованием примитивного крестьянского животноводства нашего степного Юга, путем создания новых высокопродуктивных пород животных, пород, специально приспособленных к местным особым условиям существования. Нужно было улучшать и сами эти условия.

Остатки дорогой забавы — фальц-фейновского зоопарка со случайным подбором экзотических животных — нужно было коренным образом перестроить и создать настоящий научный акклиматизационный зоопарк, а на его основе широко развернуть работу по акклиматизации и одомашниванию полезных диких животных с тем, чтобы обогатить список существующих домашних животных и включить в отечественную фауну новые, практически интересные виды.

Нужно было детально изучить естественную историю и законы жизни растений девственной степи, чтобы применять добытые о них знания в практике использования пастбищ, травосеяния и зернового хозяйства.

Наконец было необходимо всемерно развивать опыт степного лесоразведения, этого трудного, но увлекательного и благородного дела, которое у нас, в условиях социалистической перестройки сельского хозяйства, приобрело общегосударственное значение.

Многогранность задач, поставленных Советской страной перед Асканией-Нова, отразилась и на ее первоначальной организации. Здесь, на общей базе государственного степного заповедника и, что называется — под одной крышей, было создано три научных учреждения: Степной институт, Зоотехническая опытная станция и Зоопарк. В дальнейшем было признано целесообразным объединить эти родственные учреждения в одном институте — Институте гибридизации и акклиматизации животных. Официальной датой рождения единого института считается 1 января 1932 года.

На развитие института Аскания-Нова оказал огромное влияние замечательный советский ученый, ныне по-

койный, академик Михаил Федорович Иванов. Он возглавлял в Аскании-Нова всю научную работу по животноводству, поднял ее на большую теоретическую высоту и, главное, целиком подчинил ее интересам бурно развивающегося социалистического сельского хозяйства.

Вся жизнь Михаила Федоровича — яркий пример бескорыстного служения своей Родине и интересам своего народа. Сын учителя садоводства, выросший без отца и с детства испытавший много лишений, Михаил Федорович настойчиво пробивал себе дорогу к научной деятельности. Свою трудовую жизнь Михаил Федорович начал с ученика слесаря, но любовь к природе и сельскому хозяйству привела его скоро в среднее земледельческое училище, куда ему удалось поступить с большим трудом. После этого училища — школа овцеводов-бонитеров (оценщиков племенных качеств животного по его внешним признакам), а затем Харьковский ветеринарный институт. Учение в условиях царского режима для М. Ф. Иванова, выходца из бедняков-разночинцев, было трудно и сопряжено со многими огорчениями, но выручали его блестящие способности и удивительное трудолюбие. Все учебные заведения, в которых учился Михаил Федорович, он окончил с отличием.

В 1906 году М. Ф. Иванов стал профессором Харьковского ветеринарного института, и в это время он уже пользовался большим авторитетом среди передовых ученых и многих животноводов как знающий и смелый специалист, ищущий новые пути в зоотехнической науке.

Но только при советской власти Михаил Федорович получил возможность развернуть все свои богатырские творческие силы и применить их в различных областях животноводческой науки и практики. Незадолго перед смертью, в 1935 году, выступая на своем юбилее, которым коллектив его многочисленных учеников отмечал долголетнюю и плодотворную работу своего учителя в Аскании-Нова, Михаил Федорович сказал: «До конца моей жизни и до конца моих сил, поскольку я в состоянии буду работать, я должен и обязан отдать эти силы на пользу Советскому Союзу. Советская власть есть единственная власть, которая так высоко оценивает труд научных работников и создает все условия для процветания социалистической науки».

Михаил Федорович Иванов.

После смерти М. Ф. Иванова его имя было присвоено его любимому детищу — институту Аскания-Нова, где особенно ярко и плодотворно проходила его работа.

М. Ф. Иванов создал несколько новых замечательных пород сельскохозяйственных животных и оставил нам блестящую теорию их образования. О работе Михаила Федоровича в Аскании-Нова мы подробнее скажем дальше.

Для асканийского зоопарка много сделал и другой видный наш ученый — профессор Александр Александрович Браунер, умерший в 1941 году. Глубокий знаток фауны степного юга, А. А. Браунер, по сути дела, создал новую научную дисциплину — сельскохозяйственную зоологию — и написал много ценных трудов по вопросам происхождения домашних животных.

В Аскании-Нова А. А. Браунер подготовил целую группу способных научно-технических работников зоопарка из представителей комсомольской молодежи.

Аскания-Нова, этот богатейший живой источник научных фактов и оригинальных явлений, привлекала к себе многих людей — и маститых ученых, и начинающую молодежь, и практиков животноводов.

Так, в горячей борьбе, в увлекательных исканиях, с горечью неудач и радостью успехов росла и крепла советская Аскания.

В эпоху первых сталинских пятилеток Аскания-Нова создала для Родины две новых породы овец, одну породу свиней, оригинальные типы крупного рогатого скота, выдала колхозам и совхозам большое количество первоклассного племенного молодняка, разработала и передала производству новые методы племенной работы, кормления и воспитания сельскохозяйственных животных.

В зоопарке дала превосходные результаты многолетняя и сложная работа по акклиматизации и одомашниванию крупных африканских антилоп, зебр, оленей, страусов, фазанов, диких гусей и уток.

Многие из этих животных были настолько приучены к человеку, что для своего содержания уже не требовали огороженных сеткой вольер и загонов, а выпасались в открытой степи, как домашний скот.

Разрешая проблему восстановления исчезающего на земле дикого европейского вида быков — зубра, асканийский зоопарк шел по пути гибридизации зубра с амери-

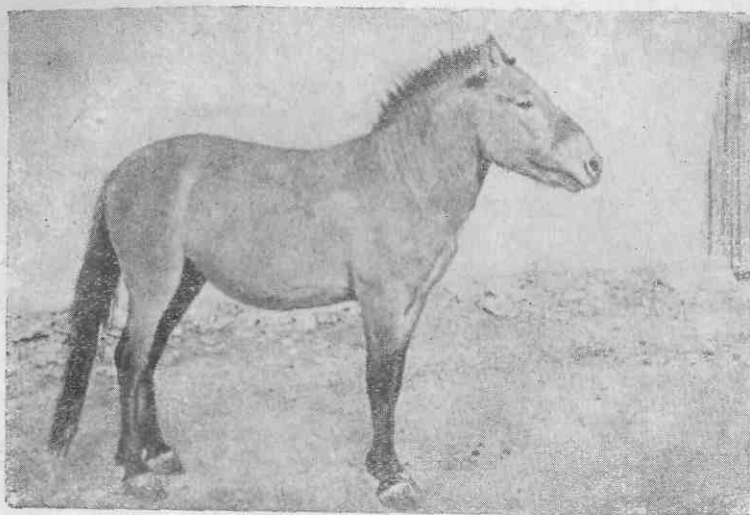
Семья бизонов.

канским бизоном и сформировал стадо полудомашних гибридных зубров численностью более пятидесяти голов. Это было мировым достижением.

Используя асканийских зубробизонов, советские ученые создали новые зубровые парки в Кавказском и Крымском государственных заповедниках, что долго и безуспешно пытались сделать иностранцы в своих «национальных» парках. Последние на земном шаре представители диких лошадей — лошади Пржевальского успешно размножились в Аскании-Нова и свободно паслись в целинной степи. Скрещивая зебру и лошадь Пржевальского с ослом и домашней лошадью, зоопарк получил чрезвычайно интересных гибридов и изучал их хозяйственные качества.

Одна из выведенных академиком М. Ф. Ивановым новых пород овец — горный меринос — была получена путем скрещивания домашней тонкорунной овцы с диким бараном муфлоном.

Плодотворная работа Аскании-Нова была неожиданно и жестоко прервана вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. Первая фашистская

*Лошадь Пржевальского в зоопарке
(единственный в СССР экземпляр).*

авиабомба разорвалась на территории института в июне 1941 года. Она попала в вольеру зоопарка, где паслись четыре чилийских ламы, и убила их всех. За первой бомбой последовала вторая, третья. Фашисты бомбили одно из самых замечательных научных учреждений мира.

Осуществляя эвакуацию на восток страны, институт успел вывезти только домашних животных, которых перегнали на железнодорожную станцию и погрузили в вагоны обычным способом.

Для отправки же нескольких сотен крупных полудиких животных зоопарка нужно было сажать каждое в отдельную транспортную клетку и грузить на автомашины по два-три экземпляра всего. На проведение такой сложной и громоздкой операции у института не было ни времени, ни достаточного числа клеток и машин.

Однако была сделана попытка угнать своим ходом драгоценное стадо зубробизонов. Их угнали уже далеко от Аскании-Нова, но... налетевшие фашистские самолеты расстреляли с воздуха тяжелых и медлительных зверей. Их огромные трупы потом долго лежали в поле, возвещая

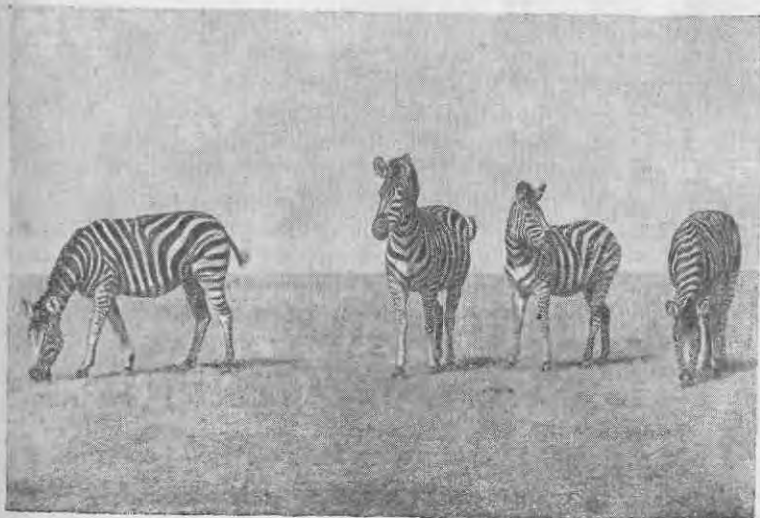
всем о неслыханном, потрясающем варварстве гитлеровских разбойников. Таким образом, оставшиеся в зоопарке животные, как и неуспевшие уехать асканийские жители, двадцать пять долгих и нестерпимо томительных месяцев испытывали на себе дикий произвол носителей фашистского «нового порядка».

Гитлеровские громилы затмили своими «подвигами» уже забытые выходки белогвардейцев и маховских бандитов.

Особенно озверели гитлеровцы тогда, когда они, под натиском наступающих войск маршала Толбухина, спешно покидали Присивашье.

Перед уходом из Аскании-Нова фашисты установили в зоопарке станковые пулеметы и прочесывали их огнем вольеры и загоны с животными.

Специально назначенный фашистский танк разрушал сеточное ограждение зоопарка, и те антилопы, олени, лани, страусы, каких не задела пули, обезумев от ужаса, разбежались по окрестным степям. Тридцатого октября 1943 года Аскания-Нова была освобождена от гитлеровских захватчиков. Этот день был днем второго ее рождения.

Группа зебр Чапмана в зоопарке.

Пришедшие в зоопарк советские солдаты увидели заваленные трупами редких животных и разрушенные вольеры, и первым делом освободителей было собрать и похоронить расстрелянных животных. В качестве могил использовали выкопанные гитлеровцами окопы. В них опустили семьдесят два трупа страусов нанду, в три других — двадцать две антилопы нильгау и... окопов поблизости нехватило, пришлось копать специальные ямы.

Разогнанных по степям животных долго потом собирали советские кавалеристы. Они организовали конные облавы, рассыпав по степи цепи всадников, и так подгоняли к зоопарку исхудавших и перепуганных голубых гну, оленей, зебр. Из оставленных гитлеровцами в зоопарке «расписок» мы узнали, что животные планомерно убивались и задолго до отступления захватчиков. Оказывается, не один раз из Германии прилетал сюда специальный самолет с заданием зарезать и доставить в замок Геринга, для предстоящего пира, две или три антилопы канна.

Для какой-то офицерской попойки в гитлеровском штабе в Симферополе потребовалось свежее мясо... африканского страуса. Его также увезли из Аскании-Нова на специальном самолете.

Стоит ли обсуждать еще эти факты, вошедшие теперь в кровавую и безумную историю «третьего рейха», они ведь говорят сами за себя!

За время вражеской оккупации зоопарк потерял 82 процента от своего поголовья.

Следует отметить героизм остававшихся в оккупированной Аскании рабочих зоопарка. Они принимали всевозможные меры к тому, чтобы спасти от истребления хоть часть ценных животных, и, рискуя собственной жизнью, прятали их по своим сарайчикам, мелких животных заносили в свои квартиры — и так сберегли несколько редких экземпляров.

С тех пор прошло шесть лет, и всё это стало достоянием истории, героической истории Великой Отечественной войны советского народа.

Сегодня приехавший в Асканию-Нова посетитель не найдет здесь почти никаких следов войны. Наша степная жемчужина — советская Аскания — возродилась и стала еще лучше и сильнее, чем была до войны. «Довоенный уровень» перестал быть целью стремлений, Аскания-

Нова его уже далеко перешагнула. Мы не станем описывать эпопею восстановительных мероприятий, которые пришлось осуществить всему коллективу работников института, снова и снова мобилизуя свои силы, знания и искусство.

Можно сказать, что асканийцы не отставали в своей работе по ликвидации последствий войны от всего нашего многомиллионного героического народа и их успехи — есть частица и следствие общих успехов послевоенного строительства нашей Родины. Новые и заманчивые перспективы стоят теперь перед институтом — перспективы его серьезной реконструкции на основе новых, неизмеримо выросших требований и возросшего значения нашей науки.

ЗЕЛЕНый ОСТРОВ

Это название становится понятным тогда, когда вы летом подъезжаете к Аскании-Нова и еще издали, километров за пятнадцать, она вырисовывается на однообразном серо-желтом фоне степей сначала небольшим темным пятном, затем чем-то похожим на большой неподвижно стоящий корабль и, наконец, встает перед вами кудрявой громадой свежей зелени парков, которую обрамляют опрятные белые домики поселка. Утомленные однообразной желтизной степи, солнцем и горячим ветром, ваши глаза приятно отдыхают на этом новом зрелище.

Асканийские парки не приковали бы вашего внимания где-нибудь под Москвой, под Киевом — среди разнообразного, насыщенного живыми красками ландшафта. Но здесь они кажутся воплощенной мечтой, желанным и до дерзости смелым контрастом.

Таково первое впечатление. Оно закрепляется, делается более полным, если посетитель углубится в тенистые лесные массивы парка и увидит там особый, насыщенный жизнью, мир.

Архитектурную основу центральной усадьбы института представляют два ее лесопарка. Эти парки разделены главной улицей поселка, но, по существу, составляют единый зеленый ансамбль.

Большой массив — ботанический парк, занимающий

Озеро и лесной массив.

своими насаждениями площадь в 68 гектаров, — вдается с востока в угол, образованный двумя перпендикулярно сходящимися улицами. Меньший парк, в котором размещена орнитологическая (птицеведческая) часть зоопарка, примыкает к поселку с северо-запада. Его площадь около сорока гектаров. Наружные окраины обоих парков переходят в степь постепенно через полосу кустарников и редко стоящих отдельных деревьев. Здесь строители парков создали миниатюрную зону лесостепи, воспроизведя то, что есть в природе наших средних областей, где лес встречается со степью.

К северной окраине зоопарка примыкает особый озерный участок — «внешние пруды». Это система искусственных озер с зарослями тростников, осоки и других болотных растений.

В асканийских лесопарках сейчас насчитывается 84 вида деревьев и 66 видов кустарников.

Здесь собраны, главным образом, представители зоны наших широколиственных лесов, такие, как: ясень обыкновенный, дубы, берест, вяз, белая акация, клены, тополи, черная бузина, лох, бирючина, шелковица, смородина

золотистая, боярышник. Есть и выходцы из чуждых областей — с Гималаев, из Японии, Северной Америки, Северной Африки, с юга Азии, даже из Австралии. Многие из таких чужаков успешно акклиматизировались в условиях Присивашья и давно уже перестали удивлять асканийских жителей своим присутствием здесь.

Совсем обыкновенными стали в Аскании-Нова виргинский можжевельник, биота восточная, гималайский кипарис, различные пихты и иноземные сосны, софора японская, гледичия, черный орех, катальпа, аморфа.

Гораздо хуже чувствуют себя в присивашском климате наши северные, с детства милые друзья — береза, липа, ель. Они представляют большую редкость в Аскании-Нова, и их выращивание стоит здесь большого труда и многих забот.

Асканийские парки построены по принципу отдельных куртин и массивов.

Массивы высокоствольных деревьев окружены бордюрами из кустарников, представленных в основном обыкновенной сиренью и жасмином-чубушником. Эти же виды образуют подлесок под деревьями, местами настолько

В глуши лесопарка.

густой, что только фазаны могут беспрепятственно бегать под ним.

Особенно много здесь сирени. Она буйно разрастается в парках, образует зеленые барьеры вдоль улиц, растет высокими куртинами возле зданий, а в первых числах мая буквально затопляет всю усадьбу своими фиолетовыми, красными, голубыми и белыми цветочными кистями. Сирень дальше других кустарников проникает от опушки парков в степь, где превращается в полукарликовую форму. Листья сирени не ест ни одно копытное животное, поэтому ее смело можно сажать в загонях зоопарка, вдоль дорог, где угодно, и вовсе не обязательно огораживать.

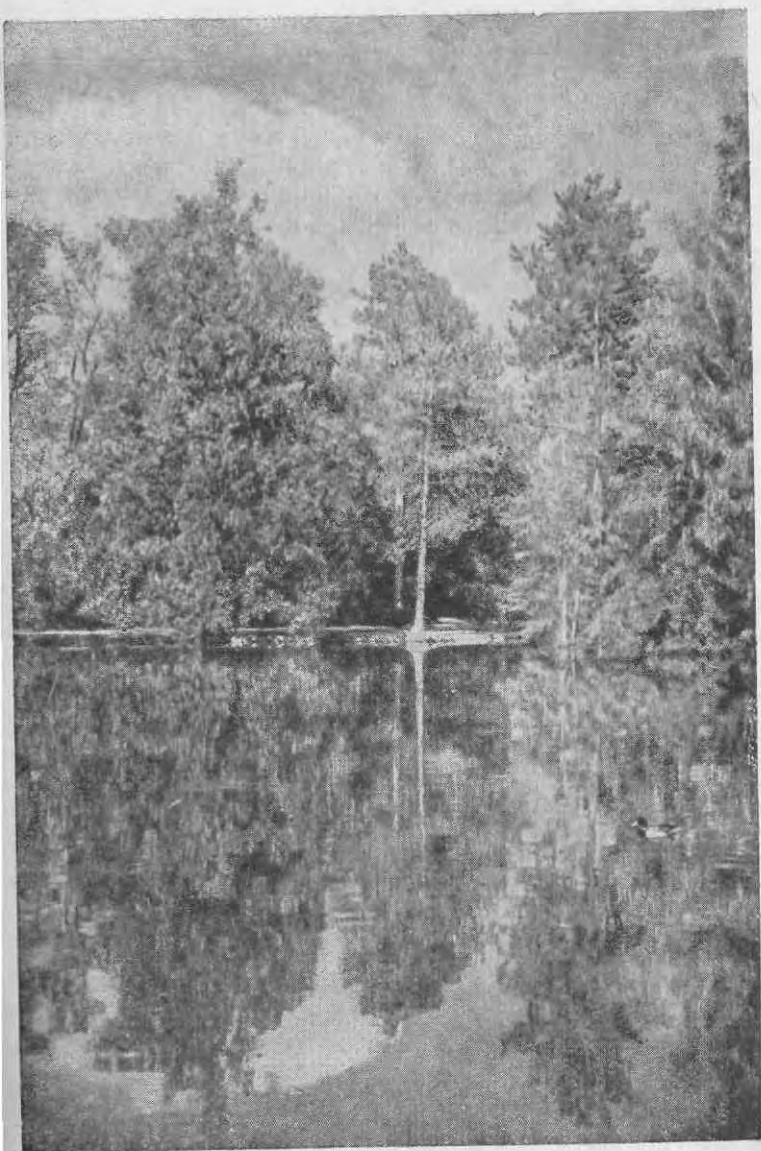
На веселых солнечных полянках, среди древесных куртин пышно развиваются травы, но среди них мы мало найдем местных степных видов. Их заменяют акклиматизировавшиеся вместе с деревьями лесные травы: козлер безостый, мятлик боровой, ежа сборная, заячий ячмень, лисохвост, лимонная мята, глухая крапива, чистотел, чина и даже хвощ. Ничего подобного нет в окрестных степях.

В тени деревьев и кустов на взрыхленной, удобренной гниющими листьями почве растут и, в свое время, цветут ландыши, фиалки, лесные орхидеи, барвинки.

Ранней весной, как в настоящем лесу, раскрывают свои нежные венчики подснежники и пролески. Все эти цветы и травы сейчас уже не требуют какого-нибудь особого ухода, они прижились здесь хорошо и прочно вошли, как равноправные члены, в созданный волей и трудом человека лесной растительный комплекс.

Многие лесные травы были здесь искусственно поселены, а некоторые поселились сами, в результате случайного заноса семян. Это второе чрезвычайно интересно и важно, так как характеризует, насколько меняются условия для произрастания трав там, где их защищает лес от жгучих ветров и избытка солнечного освещения. Сколько бы мы ни сеяли в открытой степи чистотел, ландыш или пролеску, они там не прижились бы. Стало быть, климат в парке свой, особенный, более влажный, более благоприятный для этих растений, чем в открытой степи.

Когда дует суховей и в поле буквально на глазах засыхают покрытые пылью молодые хлеба, в это же

Пруд в ботаническом парке.

время в глубине парка удерживается живительная влажность и не прекращают свой рост травы. Порывы ветра обрушиваются на зеленую стену лесной опушки, засыпая ее пылью, свертывают листья на деревьях, но... их сила тут же растрчивается. Воздушный поток или отражается кронами деревьев вверх, или разбивается на отдельные струи, которые потом, залупавшись в чаще ветвей, угасают, обессиленные. Лес, как армия великанов, отражает натиск слепого стихийного врага, грозно гудя и размахивая узловатыми сучьями.

Когда стихнет ветер и воздух очистится от мельчайшей пыли, можно видеть, каковы результаты закончившейся борьбы.

На опушке парка, встречавшей атаку суховея, деревья покрыты пылью, у самых крайних листья подсушены ветром. Но эти передовые бойцы закалены в многолетней борьбе и скоро оправятся. Наиболее влаголюбивые и чувствительные к ветру виды деревьев и кустарников размещены в глубине парка, под защитой засухоустойчивых периферийных куртин.

Таковы современные парки Аскании-Нова. Но как их удалось вырастить в безводной степи?

Какое было первому посаженному здесь молодому деревцу? Кто его защищал от суховея?

Дореволюционные асканийские архивы хранят записи, из которых видно, сколько было загублено Фальц-Фейном привезенных издалека, дорогих саженцев, сколько незаслуженных оскорблений испытали его рабочие при закладке парка. Удача пришла нескоро и вовсе не по приказу фальц-фейновских управляющих и не волшебством его ассигнаций. Удача родилась в кропотливом, настойчивом труде десятков землекопов и садовников, которые перекапывали на полметра вглубь вековую целинную почву, ставили щиты от ветра, закрывали молодые деревца от солнца соломенными матами и обильно поили их водой. Если из десятка саженцев приживался один, — это считали успехом.

Но шли годы. Число укоренившихся деревьев увеличилось, выростали куртины молодого леса. Многие виды деревьев стали цвести и давать семена. Эти семена попадали во влажную затененную почву и прорастали. Лесопарк стал частично возобновляться и становился гуще естественным порядком. Это уже было победой.

Существует огромная разница в том, как разводить в степи лес: или привозя откуда-то готовые саженцы и сажая их в подготовленные ямки, или путем посева семян.

Саженцы при пересадках испытывают значительную перемену в условиях жизни. Чаще всего взятое из лесопитомника дерево бывает весьма требовательным и малоподготовленным к новым, более суровым условиям жизни в степном климате. После пересадки оно обычно болеет и не всегда успешно приспосабливается к жизни на новом месте. Многие саженцы так и остаются на всю свою жизнь хилыми, медленно и уродливо растущими или вовсе погибают.

Совсем по-другому ведут себя высейные в подготовленную почву семена деревьев и кустарников. Прорастая, они с первых же дней своей жизни встречаются с теми внешними условиями, в которых будет проходить всё их дальнейшее развитие, начиная от первого всхода до взрослых стадий, и их организмы строятся в точном соответствии с этими условиями.

Так вырабатывается местная форма дерева, для которой произраставшая его почва становится родной, материнской почвой.

Еще одно обстоятельство очень важно при этом.

Нужно высаживать семена деревьев одного вида не одиночками, а целыми группами. Нужно сеять их так, чтобы появившиеся всходы образовали целую куртину. В такой куртине между отдельными растеньицами уже есть немного тени и почва не так сильно иссушается солнцем. Ветер не треплет так беспощадно каждый сеянец, как это было бы с отдельно растущим экземпляром. Члены молодой зеленой семьи взаимно поддерживают друг друга. Внутри куртинки сеянцев создается свой, более благоприятный, как говорят, микроклимат, нежели рядом на голом месте.

Так, собственно, и происходит в лесу, где деревья сыплют на землю свои семена не одиночками, а тысячами, где на порубках молодая поросль поднимается сразу густой щеткой.

Именно эти закономерности жизни леса, научно обоснованные академиком Трофимом Денисовичем Лысенко, и легли в основу его метода гнездовых посевов дуба, при создании полезащитных лесных полос.

В дореволюционной Аскании не знали теории гнездовых посевов леса и, выращивая парк, теряли множество саженцев, пока в разросшихся наконец лесных массивах не создалась особая естественная среда, облегчившая степным лесоведам их дальнейшие усилия.

Многие виды деревьев в парках Аскании-Нова нуждаются в регулярной поливке. Около восьмисот кубометров воды нужно ежедневно в сухое летнее время подавать для поливки насаждений и поддержания искусственных озер и бассейнов.

Но откуда же здесь можно взять такую массу воды?

В районе Аскании-Нова залегают подземные, грунтовые воды. Под мощными пластами глиноземов находится слой водоносного песка, лежащего на так называемых понтических известняках. Но этот слой небогат и может обеспечивать водой лишь примитивные пастушеские колодцы с вертикальными подъемными воротами, к которым припрягается обычно пара волов.

Такие колодцы кое-где и сейчас еще используются в небольших степных поселках и мелких колхозных фермах.

Вода из понтийского горизонта имеет много растворенных минеральных веществ и плоховата на вкус.

Но если колодезную скважину пробурить сквозь понтические известняки и углубить дальше, то она достигнет следующего водоносного слоя, лежащего на более древних сарматских известняках. Этот горизонт дает в изобилии превосходную чистую воду.

В Аскании-Нова почти непрерывно работает несколько мощных механизированных скважин, которые выбрасывают наверх целые потоки воды. Ее хватает и для водопроводной сети поселка, и для поливки насаждений, и для регулярного пополнения искусственных озер. Может показаться, что там, глубоко под землей, скрывается целое пресноводное море. Повидимому, возможности использования воды для развития растениеводства в Присивашье очень велики. Аскания-Нова — это убедительный живой пример того, как можно изменить, обогатить и украсить степную природу на основе использования всех скрытых богатств здешнего края и, в первую очередь, подземной воды. Однако использование грунтовых вод требует оборудования глубоких колодезных скважин, насосных станций, механических двига-

телей. Всё это очень дорого стоит и не всегда окупается в условиях рядового колхоза.

Строительство Каховской гидроэлектростанции и грандиозной системы оросительных каналов — Южно-Украинского, Северо-Крымского и канала Каховка — Аскания-Нова коренным образом изменяет всё будущее Присивашья:

По каналам пойдет в колхозные поля и сады днепровская вода, которая будет обходиться в несколько раз дешевле, чем вода, выкачанная из подземных глубин. Это неизмеримо расширит возможности для искусственного орошения здешних сухих степей. Кроме того, Каховская гидроэлектростанция даст в избытке дешевую электроэнергию. Ее можно использовать и для работы водонасосных станций, которые будут выкачивать подземную воду в тех местах, куда не достигнет вода из каналов, — и зацветет Присивашье. Его плодородная, согретая обильным солнцем и напоенная водой земля будет давать неслыханные урожаи хлеба, овощей, фруктов. Политые водой полезационные лесополосы будут расти в два, три раза быстрее и пышнее. И конец тогда суховеям, черным бурям, вековечному злу наших южных степей!

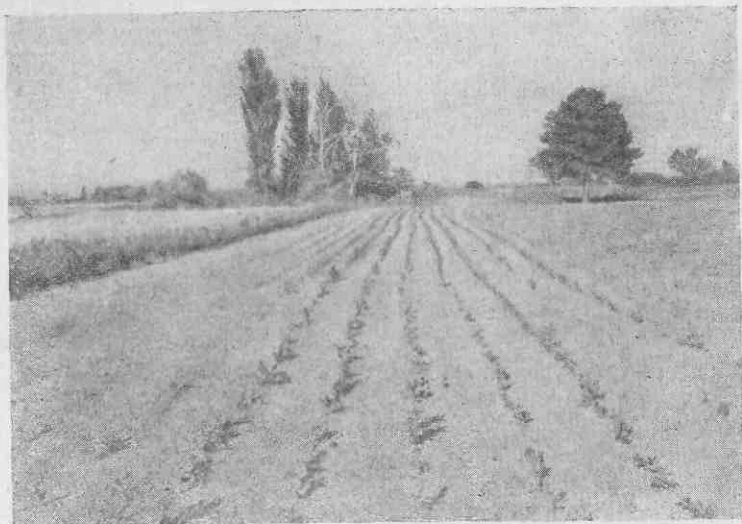
Акклиматизация в сухой степи деревьев и кустарников основывается не только на искусственном орошении.

Применяя мичуринские методы преобразования растений, можно создавать такие формы деревьев, которые будут использовать влагу местных осадков и обходиться ее запасами в поверхностных слоях почвы.

В Аскании-Нова, кроме поливных участков парка, есть и неполивные, и на них также растут деревья. Правда, их рост происходит значительно медленнее, чем в условиях орошения, но такие деревья вырабатывают в себе большую устойчивость к засухам. Их корневая система широко распространяется по поверхностным слоям почвы и энергично улавливает из них влагу осадков. Их узловатые, крепкие, как кость, стволы хорошо противостоят напору ветров и другим климатическим невзгодам.

Лучше других растут без искусственного орошения такие виды, как белая акация, дикий абрикос, лох узколистный.

Однако это все недолговечные виды, и в сухих условиях они не вырастают в большие деревья.

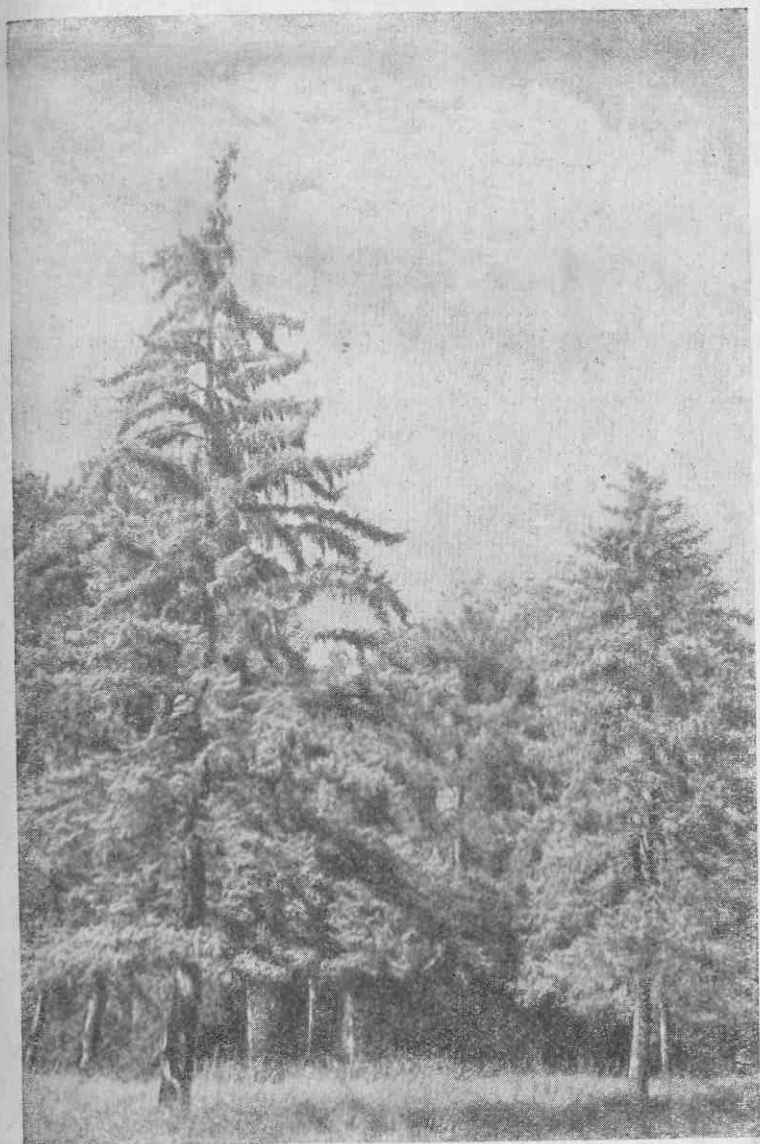

Взошли молодые дубки.

Исследованиями недавних лет установлено, что наш обычный дуб оказывается очень пластичной формой и может успешно приспосабливаться к жизни в сухом климате на неорошаемой почве. Такие свойства дуба делают его чрезвычайно ценным видом для степного лесоразведения. Ведь хорошо прижившийся дуб будет расти столетия и вырастет в могучего гиганта. Он мало подвержен различным заболеваниям, дает первоклассную столлярную древесину, из его коры извлекают целый ряд ценных химических продуктов, он, наконец, дает жолуди, которые служат кормом для многих домашних и диких животных, а после соответствующей переработки — и пищевым продуктом для человека.

Великим сталинским планом преобразования природы в степных и лесостепных областях нашей страны дуб определен в качестве одного из основных древесных видов, из которых должны создаваться лесные защитные полосы.

При гнездовом способе посева желудей молодые дубки в первое же лето вырастают на 35—40 сантиметров

Группа хвойных деревьев в ботаническом парке.

высоты и в последующем будут упорно расти, несмотря на летние засухи и суховеи.

Нужно только, чтобы в первые годы сеянцы дуба были защищены или посеянной вокруг них зерновой культурой, или кустарником.

У наших лесников недаром есть старая мудрая поговорка: «Дуб любит расти в шубе, но с открытой головой».

На корнях всякого хорошо растущего дуба поселяются колонии особого микроскопического грибка, так называемые микоризы. Оказывается, что рост микоризы вызывает в почве особые физико-химические процессы, которые чрезвычайно благотворно влияют на жизнь и развитие самого дуба. Здесь мы видим типичный пример симбиоза — взаимнополезного сожительства двух совершенно различных организмов.

При посадках или посевах дуба рекомендуется подсыпать под корни саженца или под жолуди в гнезде немного земли, взятой от корней старого дуба. Вместе с этой землей переносится и микориза, которая будет быстро развиваться в почве новых посадок и способствовать их лучшему приживлению и росту.

В парках Аскании-Нова много дубов. От них берут сейчас жолуди и микоризную землю для посадки полезащитных полос.

Эта работа захватила всех асканийцев своими истинно великими перспективами.

Вот когда пришла пора мобилизовать все свои знания и десятилетиями накопленный опыт в деле выращивания леса в степи. Асканийцы решили обнести все земли своего института могучим зеленым поясом — полосой леса в 100 метров ширины, а на полях подсобного хозяйства создать густую сеть обычных полезащитных лесополос. Для этого потребуется вырастить более тысячи гектаров новых лесных массивов.

И вот, весной 1950 года, пришел день, когда все лаборатории, конторы и отделы института заперли свои двери. Научные работники, лаборанты, рабочие, служащие — все, от директора института до уборщицы, — вышли в поле сажать жолуди по методу академика Т. Д. Лысенко. Гусеничные тракторы с добродушным ворчанием потянули за собой широчайшие рамы-маркеры, которые намечали на почве линии будущих рядов дуба.

Ручной фазан в ботаническом парке.

Почтенные ученые с мотыгами и лопатами в руках наперегонки друг с другом стали подготавливать «гнезда», а кто помоложе, вооружившись ведрами, «штурмовали» подходившие грузовики с желудями. Жолуди, заранее пророщенные в микоризной земле, кучками по восемь-десять штук укладывались в лунки и присыпались землей. В каждом «гнезде» — по пять лунок. Какой надежный запас! Ведь в конечном счете требуется, чтобы в каждом гнезде вырос один-два дуба, а остальные — резерв на случай всевозможных потерь во время упорной борьбы молодой зеленой семьи дубков со степью, с ее климатом, суховеями, вредителями.

Эта борьба будет продолжаться пятнадцать-двадцать лет и должна закончиться победой самых жизнеспособных экземпляров. Если таких победителей в каждом гнезде будет больше, чем нужно, что же — лишние можно будет вырубить и использовать на древесину. В степи дорогá каждая палка.

За два рабочих дня коллектив института посадил 300 гектаров дубового леса.

Президент орденоносной Академии сельскохозяйствен-

ных наук имени Ленина Т. Д. Лысенко в приветственной телеграмме поблагодарил асканийцев за то, что они сделали «большое и хорошее дело».

Шумит своими дубами, ясенями, кленами, соснами наш Зеленый остров, как воплощенная мечта о недалеком и прекрасном будущем присивашских, донецких и иных издревле славянских степей. Весенними ночами по берегам прудов в густых зарослях жасмина и жимолости звенят соловьиные трели.

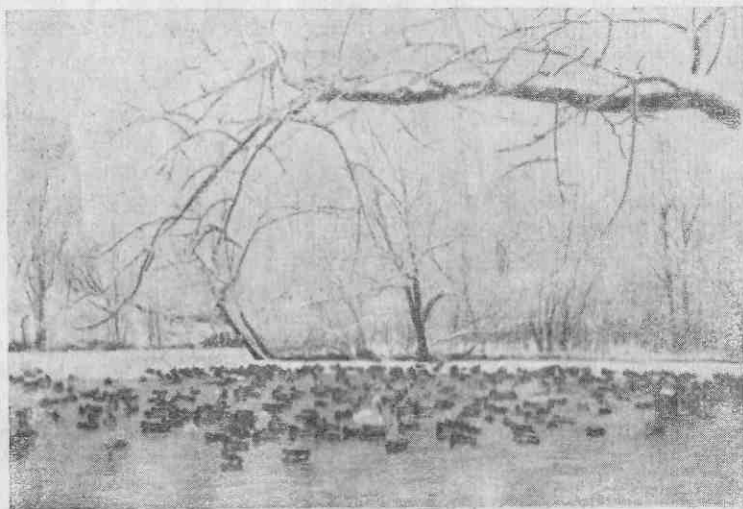
Летним утром через изумрудные поляны парков перебегают десятками фазаны, блестя на солнце своим золотым оперением.

Под вечер над озерами слышны трубные крики лебедей, и стаи уток, свистя крыльями, летят в поля на прогулку.

В асканийских парках масса птиц, и не только таких, которые здесь поселены и разведены искусственно.

Обширные лесные массивы среди голых степей привлекают к себе много лесных видов. Часть их уже живет здесь оседло или ежегодно прилетает на гнездование.

Так, поселились: соловей, большая синица, зеленуш-

На большом пруду зоопарка зимой.

Зимняя кормушка для мелких птичек в зоопарке.

ка, славки садовая и черноголовая, серая мухоловка. Всё это лесные птицы, и в открытой степи их не увидишь.

Еще больше бывает в Аскании-Нова пролетных гостей.

Весной и осенью в парках собирается масса самых разнообразных птиц, начиная от сойки, черного дрозда и кончая крошечными лесными пичужками — крапивником и корольком.

Асканийские зоологи насчитывают более пятидесяти видов птиц, останавливающихся в здешних парках во время сезонных перелетов.

Многие прилетные виды подолгу живут в Аскании-Нова, и очень заманчивой является задача — найти способы заставить этих гостей оставаться тут на всё лето и выводить своих птенцов.

Большинство наших птиц — наши союзники в борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства, насекомыми и грызунами.

Полезная деятельность птиц особенно ярко проявляется тогда, когда они выводят и выкармливают своих птенцов, когда каждой синичке или зяблику нужно нало-

вить в восемь-десять раз больше мух, бабочек, гусениц, жуков, чем требуется для их собственного пропитания. Успешно бороться с вредителями посаженного в степи леса могут только лесные птицы. Ведь степной жаворонок не приспособлен к тому, чтобы выбирать жучков-короедов из коры дерева, но это мастерски делает дятел. Вот почему в Аскании-Нова, наряду с другими серьезными задачами социалистического сельского хозяйства, решается и эта, казалось бы маленькая, но весьма важная и очень интересная задача — задача изыскания способов ускоренного заселения полезными птицами лесонасаждений в степи.

НОВЫЕ ПОРОДЫ И НОВЫЕ МЕТОДЫ

В глубокой древности теряется начало истории приручения животных.

Однако прошли тысячелетия, прежде чем у человека появились настоящие домашние животные.

Существует большая и принципиальная разница между домашними животными и животными прирученными. Многие любители разводят в домашних условиях соловьев, чижей или выращивают лисят, волчат, медвежат и приручают их настолько, что эти дикие хищники потом ходят за своими хозяевами, как собаки, и никого не трогают. У знаменитых дрессировщиков Дуровых на цирковой арене играют в футбол морские львы и моржи. В зоопарках подолгу живут, размножаются и становятся совершенно ручными самые различные дикие животные. Однако ни одно из них, как бы оно ни было приучено к человеку и каким бы фокусам не было обучено, нельзя считать домашним животным.

Прирученный волк ни биологически, ни по внешнему виду ничем не отличается от своего дикого собрата и не может заменить домашнюю собаку в ее разнообразной и, зачастую, очень сложной службе человеку. Прирученный дикий баран архар не даст тонкой камвольной шерсти, какую дает меринос, а от прирученного тетерева или дикой банкивской курицы не удастся получить 250—300 яиц за год, как от хорошей несушки из породы леггорн.

Одомашнивание животных — сложный и длительный процесс. Под влиянием человека и созданных им особых условий жизни у животных постепенно, из поколения в поколение, изменяются не только их повадки, но неузнаваемо изменяются и формы тела, физиологические потребности, почти вся биология. Наша домашняя корова настолько сильно отличается от диких представителей своего рода, что даже не легко решить вопрос, от каких же диких предков она произошла.

Человек путем длительного направленного разведения рогатого скота, применяя разнообразный подбор родительских пар и отбор лучшего потомства, создал целый ряд высокопродуктивных его пород.

У молочной коровы, путем систематического усиленного упражнения молочных желез и селекции, выработана способность давать такое количество молока, какое в несколько раз превышает естественную норму, нужную ей для выкармливания своего теленка. Весь организм такой коровы перестроен в соответствии с ее основной продуктивной службой — выработкой огромного количества молока. Поэтому наша современная красная степнячка или ярославка не обладает такой могучей силой и выносливостью, как, например, ее дикий родственник — зубр. Но это и не нужно домашней корове: ее хозяин — человек взял на себя ее защиту от хищников и непогоды.

Работая над домашней свиньей, человек превратил ее в такую малоподвижную глыбу нежного мяса и жира, которую трудно себе и представить где-нибудь в топких зарослях камышей, среди стада диких кабанов.

Таким образом, дикое животное становится домашним только тогда, когда оно под влиянием огромного затраченного на него человеческого труда и искусства резко изменяет свою физиологию и строение в направлении развития хозяйственно-полезных свойств и качеств.

Претерпев такие изменения, домашнее животное часто настолько удаляется от своего дикого предка, что, по сути дела, превращается в новую зоологическую форму.

Однако было бы ошибкой считать, что домашнее животное, живущее целиком на попечении человека и под его постоянным контролем, больше не связано с природой. Даже при постоянном стойловом содержании домашний скот в той или иной мере зависит от естествен-

Свиньи рябой украинской породы с поросятами.

ной среды жизни, которая воздействует на него через корм, воду, воздух и многими другими путями. Особенно сильны связи домашних животных с природой на пастбище.

Поэтому каждая порода коров, лошадей, овец, свиней, кур должна соответствовать климатическим и другим природным и хозяйственным особенностям той местности, где она разводится. И чем меньше эти особенности будут совпадать с теми, при которых выведена данная порода, тем больше будет испытывать огорчений животновод от снижения продуктивности своего стада, от растущего числа заболеваний, гибели животных и других неприятностей.

Пустынная каракульская овца захиреет в климате Ленинградской области, а мясистая холмогорская корова погибнет в Кара-Кумах.

Наша Родина необъятна, на ее просторах встречаются разнообразные климаты и самые различные природно-хозяйственные условия. Велика и ответственна задача породного районирования нашего животноводства, и, как ни велико число существующих теперь пород сельскохо-

зайственных животных, для некоторых местностей нашей страны еще трудно подобрать из них полностью подходящие и высокопродуктивные.

В дореволюционное время у нас было увлечение иностранными породами, которыми стремились комплектовать свои стада помещики-животноводы.

Так, на юг Украины завозились свиньи английской крупной белой породы. В большинстве случаев эти свиньи оказывались малопригодными для разведения в засушливом степном климате и в местных хозяйственных условиях.

Поэтому с английской свиной успешно конкурировала местная крестьянская свинья, малопродуктивная, но хорошо приспособленная к степным пастбищам, местным кормам и отличающаяся высокой плодовитостью. Примерно так же обстояло дело и с овцами.

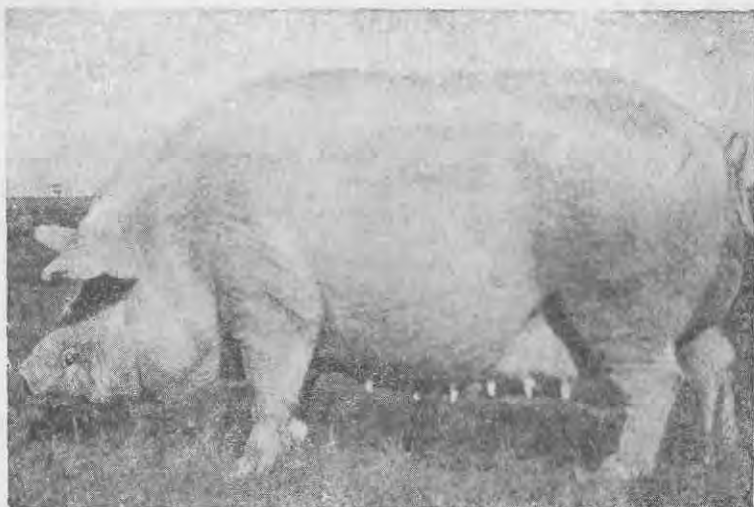
Вот почему после окончания гражданской войны перед Асканией-Нова сразу же встала задача работать над созданием своих отечественных высокопродуктивных пород сельскохозяйственных животных, приспособленных к местным природным и хозяйственным условиям.

Такая ответственная и трудоемкая работа была по плечу лишь крупному и смелому ученому, вооруженному передовыми знаниями в области управления живыми организмами.

Таким ученым был Михаил Федорович Иванов. Он взялся за работу по созданию новых пород, вложил в нее весь свой многолетний опыт и огромные знания, а главное — подлинную страсть советского ученого-патриота.

Прошло немногим более десяти лет, и наша страна получила две новых замечательных ивановских породы — украинскую степную белую свинью и асканийскую тонкорунную овцу (асканийский меринос).

При выведении новой породы свиней М. Ф. Иванов вначале применил скрещивание высококлассного самца крупной белой породы со специально отобранной, лучшей самкой из местных простых свиней. Из полученного «полукровного» потомства была отобрана лучшая свинка и вновь скрещена с самцом крупной белой породы. Потомство второго поколения, после строгой отбраковки, далее скрещивалось между собой. Каждый вновь полученный приплод проходил выбраковку по признакам нужного телосложения, здоровья и продуктивности.

Свинья украинской степной белой породы.

Особое значение М. Ф. Иванов придавал крепкой конституции животных, справедливо полагая, что от крепких, выносливых родителей будет и хорошее, здоровое потомство.

Неприхотливость и устойчивость против влияния неблагоприятных климатических моментов особенно нужна была новой породе свиней, предназначенной для массового разведения в условиях неустойчивого климата и степных пастбищ Присивашья, где мало сочных кормов, влаги, но слишком много пыли, слепящего солнца и ветра.

Насколько строго отбраковывал Михаил Федорович своих помесных поросят, видно из того, что в получаемом от каждой матки потомстве оставлялось для дальнейшего разведения не более десяти процентов.

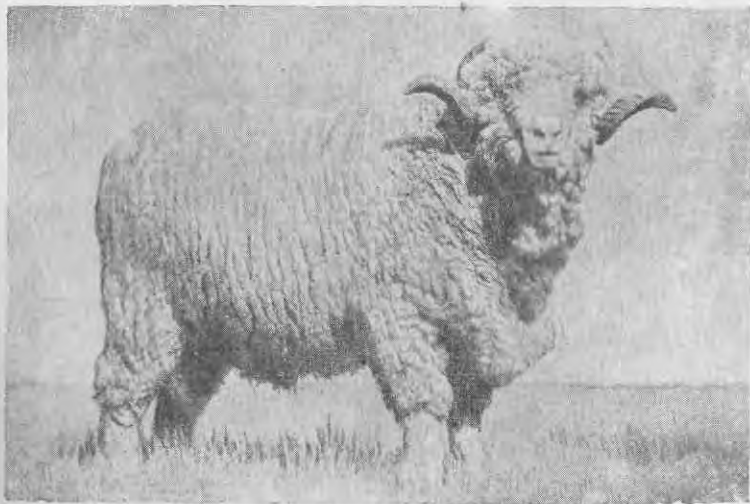
Из помесей второго поколения выделился один самец, который по своим физическим и племенным данным вполне соответствовал типу, намеченному М. Ф. Ивановым для свиней его новой породы. Этот самец, или, как говорят свиноводы, — «хряк», получил кличку Асканий 1-й. Его живой вес достигал 395 килограммов, он был

крупнее и лучше самцов белой английской породы, а по выносливости, неприхотливости, приспособленности к местным условиям мало отличался от простых украинских свиней. Асканий 1-й стал родоначальником первой «династии» новой породы, или, как говорят зоотехники, первой линии, линии Аскания 1-го.

Путем новых скрещиваний простых свиней с хряками крупной белой породы были выведены новые линии, не родственные первой, что потом дало возможность, применяя межлинейные скрещивания, избежать вредных последствий узкородственного разведения свиней новой породы.

При создании породы асканийских тонкорунных овец М. Ф. Иванов использовал в качестве исходного материала бывшее в Аскании-Нова стадо мериносов рамбулье.

Он поставил перед собой задачу получить крупного бескладчатого мериноса с хорошими мясными качествами, с длинной камвольной шерстью средней «тонины», с высоким настригом и большим выходом чистой шерсти. Кроме того, такая овца должна была обладать крепкой, сильной конституцией.

Баран асканийский. Из группы тонкорунных пород.

У зоотехников считается очень трудным добиться соединения у тонкорунной овцы двух основных качеств ее шерсти — длины и густоты. Если животное имеет шерсть не короче 6,5 сантиметра, так называемую «камвольную», то обычно его шерстный покров не бывает густым, и, наоборот, густая шерсть на овце обычно бывает короткой, не отвечающей требуемому стандарту.

М. Ф. Иванов на своем мериносе блестяще осуществил такое соединение. Из кожи тонкорунных овец западноевропейских пород, как правило, выделяется обильное количество особого маслянистого вещества, жиропота. Жиропот, смешиваясь с пылью, покрывает сверху руно водонепроницаемым слоем, и это имеет для животных положительное значение в таком туманном, дождливом климате, как, например, в Англии.

У нас же в сухих степях излишнее количество жиропота только отягчает животное, а главное, снижает процент выхода чистой (отмытой) шерсти.

М. Ф. Иванов, путем селекции, добился у своих овец значительного уменьшения количества жиропота, и выход чистой шерсти у асканийских овец стал на 6—7 процентов выше, чем у западных мериносов. В общегосударственном масштабе это означает прибавку к получаемой в стране товарной шерсти в сотни тонн.

Асканийская тонкорунная овца получила всеобщее признание и широко распространилась по степному югу СССР. В этой породе также есть свои прославленные линии и семейства. Лучшие бараны асканийской тонкорунной породы сейчас дают в год каждый по 15 и более килограммов шерсти, то есть такое количество, из которого можно сделать несколько шерстяных костюмов. И каждый такой баран весит около 144 килограммов, почти втрое больше, чем беспородная крестьянская овца.

По словам одного из учеников М. Ф. Иванова — академика Л. К. Гребень, в основе племенной работы Михаила Федоровича с мериносами было: «отбор и подбор животных по конституции и продуктивности в комплексной оценке всех признаков с одновременным учетом условий внешней среды».

Созданием новых пород свиней и овец для степного юга далеко не исчерпывается огромный вклад академика М. Ф. Иванова в отечественное животноводство.

Среди многочисленных его работ следует особо отме-

Стадо многоплодных каракулевых овец.

тить еще одну, выдающуюся по своей оригинальности и полученным результатам. Михаил Федорович создал для горных областей нашей страны особую породу тонкорунных овец, которая была им получена путем скрещивания дикого барана муфлона с домашними овцами мериносами.

В этой породе — горном мериносе — чрезвычайно удачно соединены выносливость муфлона и его приспособленность к жизни на скалах и крутых склонах горных высот с нормальной продуктивностью и качеством шерсти культурной тонкорунной овцы.

М. Ф. Иванов умер в 1935 году. Его ученики и продолжатели плодотворно работают над дальнейшим усовершенствованием ивановских пород сельскохозяйственных животных и создают новые породы, пользуясь методикой своего учителя.

В Аскании-Нова сейчас идет работа по преобразованию украинской белой свиньи в новую породу — украинскую рябую, от которой ожидается увеличение продуктивности и повышение выносливости.

Остроумно решается задача увеличения продуктивности прославленной меховой каракульской овцы. Кто не

Овца породы «Многоплодный каракуль» с ягнятами.

знает каракульских «смушек» — блестяще-черных или серых с затейливым узором тугих завитков плотной шерсти! Но эти красивые шкурки получаются только от новорожденных ягнят. Каракульский ягненок забивается на смушку сейчас же после рождения. Стало быть, чем больше будет каждая каракульская матка приносить ягнят, тем больше она даст товарной продукции. Но плодовитость обычной каракульской овцы невелика. Нередко у маток рождается по одному ягненку и хорошо — если по два.

Отдел овцеводства Аскании-Нова задался целью увеличить плодовитость каракулей путем скрещивания этой породы с нашей старинной северной породой овец — романовской. Романовская овца высокоплодовита, и это качество она передает по наследству помесям. Таким путем в Аскании-Нова получили новую породу каракулей — многоплодный каракуль. Матки этой породы дают по два-три и даже по четыре ягненка в одном помете. В общем масштабе крупной овцефермы это значит увеличение числа ягнят более чем в два раза; и можно большее их число забивать на шкурки, не подрывая рост стада.

Разумеется, асканийским овцеводам пришлось много поработать и над тем, чтобы эти многоплодные каракули сохранили высокое качество смушек, присущее настоящему каракулю. Эта задача успешно разрешена.

Украина некогда славилась своими могучими рабочими волами светлосерой масти, с огромными широко раскинутыми рогами. Сероукраинские быки, прямые потомки древних степных туров, служили верную службу народу в ту ушедшую эпоху, когда не было в наших степях автомобильных дорог, не было и автомобилей. Круторогие красавцы вола медленно двигали чумацкие возы и поднимали примитивными плугами степную целину.

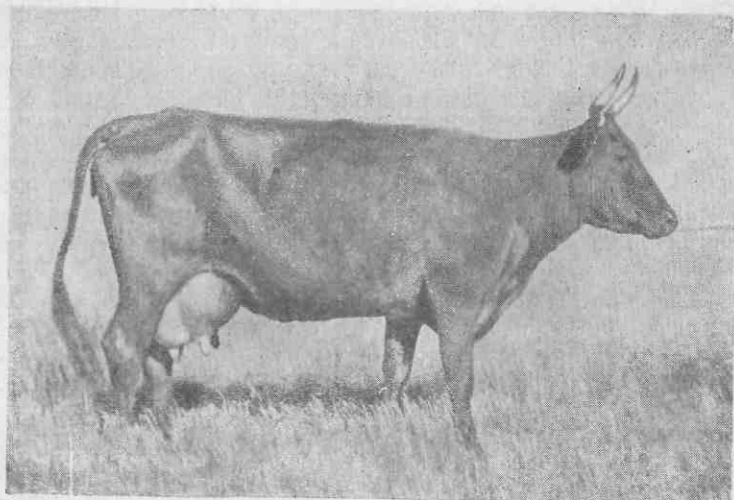
Сероукраинский скот был типичным рабочим и мясным скотом, молока же от него получали мало. Поэтому, когда стал развиваться механический транспорт, появились на полях тракторы и всё больше и больше требовалось молочных продуктов для снабжения возрастающего городского населения, — серый скот постепенно уступил свое место другим породам, породам молочного направления.

Наибольшее распространение на Украине получил обильномолочный красный степной скот. В Аскании-Нова ведется многолетняя работа по усовершенствованию этой породы и выводится новая, универсальная молочно-мясная порода скота, на основе скрещивания красностепных с молочными шортгорнами.

Молоко красностепных коров недостаточно жирно. Этот недостаток компенсируется обильными удоями. Коровы-рекордистки дают более тридцати литров молока в сутки.

Однако у животноводов возникла идея — повысить жирность молока красностепных коров, чтобы из него можно было готовить больше масла.

В Аскании-Нова эта идея была претворена в жизнь в результате удачно проведенных опытов скрещивания красностепных коров с южноазиатским быком зебу. У самок зебу молоко имеет до 6 процентов жира, что почти в два раза больше, чем у красностепного скота. И это свойство — жирномолочность — зебу частично передает по наследству. Оказалось, что даже незначительное добавление крови аравийского или индийского зебу к красностепной породе повышает ее жирномолочность. Так была получена еще одна порода скота — зебувидный

Корова-рекордистка красностенной породы.

скот. Выяснилось также, что зебувидный скот наследует от зебу и его устойчивость к особому заболеванию — пироплазмозу, которое является бичом молочного скотоводства.

Асканийский зебувидный скот сейчас особо ценится и успешно разводится в Азербайджанской ССР.

Но гибридизация и селекционно-племенная работа — это только часть той сложной, упорной и настойчивой борьбы, которую ведут ученые Аскания-Нова за полное овладение природой животных, за ее подчинение бурно растущим потребностям и интересам нашего народного хозяйства.

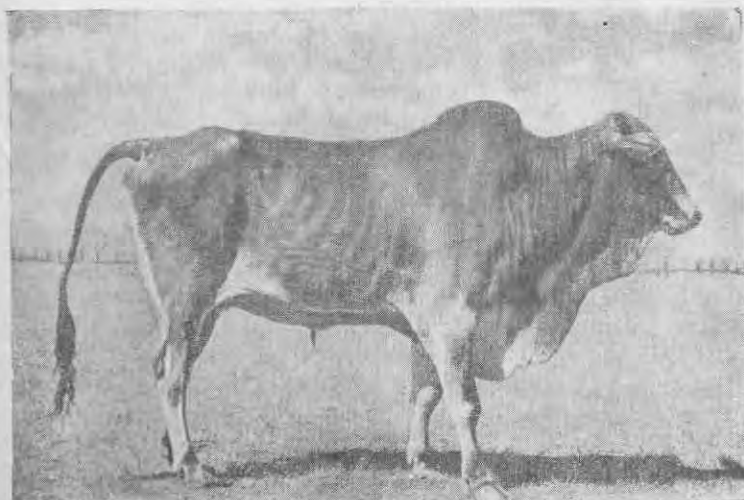
Вот, казалось бы, сугубо специальный и малоинтересный опыт, проделанный в лаборатории кормления института.

В животноводстве было общепринятым ставить на сальный откорм свиней не ранее, как они достигнут возраста в полтора-два года, и считалось, что при откорме более молодых животных невозможно получить хорошие сальные туши. Директор института Аскания-Нова кандидат сельскохозяйственных наук В. И. Лысогоров поста-

вил опыт сального откорма поросят в возрасте шести-семи месяцев. Этим поросят, после содержания на вольных пастбищах, заставили голодать в течение пяти и более дней, а после стали обильно кормить углеводистыми кормами. И оказалось, что после голодовки свиньи начали быстро накапливать в теле запасы жира. От забитых в десяти-двенадцатимесячном возрасте подопытных свиней получились нормальные сальные туши весом по 175—200 килограммов, и в них было по 70—90 килограммов чистого сала.

Что же происходит в организме молодой свиньи во время голодания? Происходит изменение ритма обмена веществ. Организм, как бы наученный горьким опытом — голодовкой, стремится поскорее создать для себя резервные запасы питательного материала (жира) на случай повторения подобных «неприятностей» в будущем. Разумеется, этому способствуют особенности биологии свиньи, которые выработались у нее в процессе исторического развития вида.

Таким образом, применяя описанный метод откорма, любая свиноводческая ферма может в два раза скорее

Зебу аравийский.

получать от каждой свиньи товарную тушу и экономить огромное количество дорогих концентрированных кормов.

В Аскании-Нова много различных и очень ценных животных. Всех их нужно кормить, и кормить хорошо. Поэтому вопрос обеспечения животных высококачественными кормами вырастает в очень сложную задачу.

Суровая природа засушливой степи ставит множество препятствий к тому, чтобы можно было уверенно и регулярно получать урожаи трав, овощей, бахчевых и зерновых культур, нужных для кормления животных. Недаром поэтому в институте существует специальный научный отдел — отдел кормодобывания.

Недалеко от центральной усадьбы института находится опытное поле этого отдела. Там земля разбита на строгие участки — делянки, и на каждой из них растет, наливается жизненным соком какая-либо кормовая культура. Темнозеленый ковер люцерны сменяется высокими зарослями суданской травы. За ней африканское просо кивает своими шишкообразными колосьями. Дальше широко раскинули свои наземные побеги кормовые арбузы и тыквы. Еще дальше низенький, но густой и сильный могар наливает зерна в коричневых колосьях.

Здесь собрана кормовая растительность многих стран, различных видов и характеров.

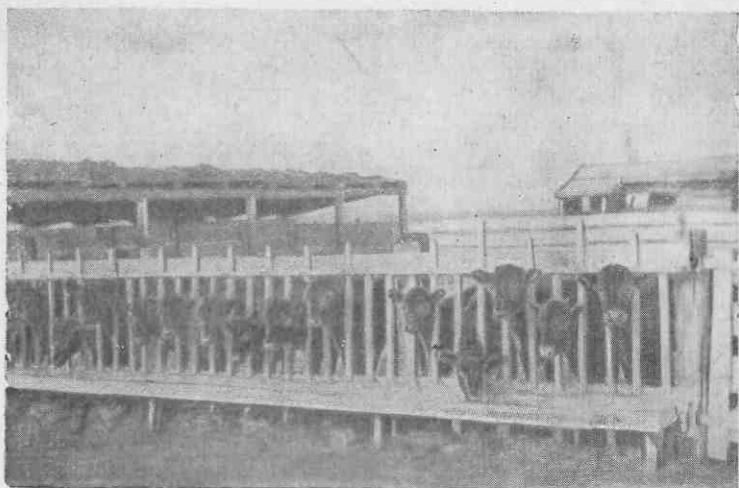
Всё это детально изучается и испытывается в самых противоречивых жизненных условиях. Здесь разрабатывается наиболее совершенная агротехника возделывания кормовых растений в засушливых условиях. И вот результат: какая бы злая засуха ни стояла над степью, какие бы ни дули свирепые суховеи, — опытное поле отдела кормодобывания института Аскания-Нова всегда зелено и всегда дает хороший урожай.

После опубликования правительственного постановления о строительстве Каховского гидроузла асканийские ученые-кормовики пересмотрели свои тематические планы и внесли в них то новое, многообещающее, что придет в степь вместе с живой днепровской водой. Это новые высокоурожайные кормовые культуры, которые будут произрастать на орошенной земле Присивашья. Нужно ведь заранее разработать для этих культур наиболее совершенную агротехнику.

Обильные и разнообразные корма, давно желанные

Опытные посе́вы сорго сахарного в колхозе «Профинтерн».

Телята красностепной породы.

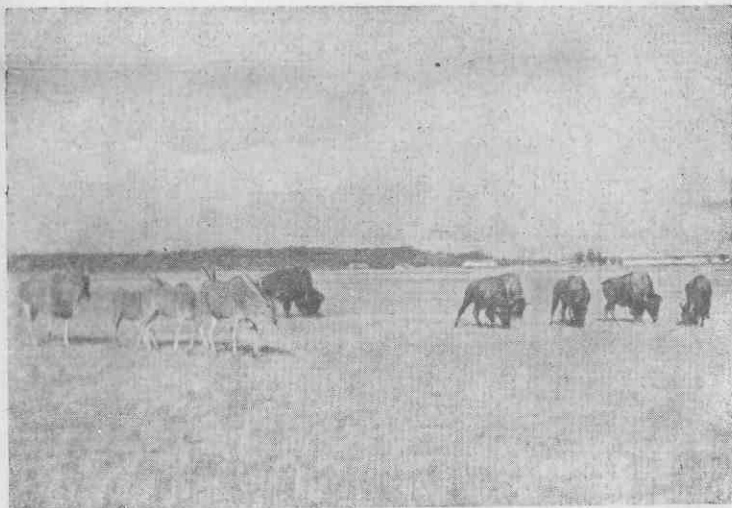
в здешних местах, — это новый, небывалый подъем животноводства в степи.

Так, отвечая на неотложные запросы нашего социалистического животноводства, Аскания-Нова выполняет свою, на первый взгляд будничную, но ответственную и вдохновляющую работу.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФАУНЫ

Животный мир нашей Родины очень богат полезными видами. В нем более сорока видов ценных пушных зверей, двадцать восемь видов крупных копытных животных и свыше ста видов различной боровой, степной и водяной пернатой дичи. Очень много у нас и различных мелких птиц, которые украшают наши леса, парки, поля и радуют слух своими весенними песнями. Главная же ценность певчих и многих других мелких и средних птиц в том, что они приносят нам пользу истреблением вредных насекомых и грызунов.

Однако не все части нашей огромной страны одина-

На степном приволье.

ково богаты зверями и птицами. Разве можно, например, сравнивать Уссурийский край, где, как в богатейшем зоопарке, собраны многочисленные представители самых разнородных фаун и климатических зон, с такими областями, как Курская или Харьковская, где животный мир довольно скуден и однообразен?

Современное размещение диких животных по земной поверхности зависит от многих причин и, прежде всего, от естественноисторических условий их обитания.

Каждое животное приспособлено к определенным условиям жизни: соболь и глухарь — к глухой тайге, сайга и стрепет — к целинной степи, козерог и улар (горная индейка) — к недосыгаемым скалам и лугам высокогорья, белый медведь — к ледяным полям полярных морей и так далее.

Каждое животное, как говорят, занимает в природе свою биологическую нишу, то есть тот участок жизненной среды, который по своим климатическим, кормовым, почвенным и многим другим условиям соответствует потребностям и особенностям организации этого животного.

Весна в зоопарке.

Стало быть, чем больше в какой-либо местности различных природных участков, чем богаче ее естественно-исторический ландшафт, тем большее число видов животных может населять эту местность, что и наблюдается, например, в покрытых разнообразной и пышной растительностью горах Кавказа или Сихотэ-Алиня. Наоборот, в плоских степях или тундрах, где на громадных пространствах с унылым однообразием повторяются все одни и те же особенности природной среды, видовой состав животных беден, и далеко не всегда велика их численность. Однако распределение и численность животных зависят не только от природных причин.

В позднейшую эпоху истории Земли на это имел огромное влияние и человек. Люди, — вырубая леса, распахивая степи, строя города, деревни, дороги, плотины, — изменяли условия жизни для большинства животных. Многие виды отступили перед человеком и уменьшились в численности, другие, наоборот, успешно приспособившись к хозяйству человека, к его поселениям, полям, садам, сильно размножились и заняли новые области обитания.

Развитие капиталистического хозяйства во всех частях и странах земного шара характеризовалось безудержной, хищнической эксплуатацией природных богатств.

Так, в Северной Америке, за каких-нибудь тридцать-сорок лет в конце прошлого столетия, были начисто уничтожены прекрасные леса почти на всей громадной площади восточных и центральных штатов. На месте вырубленных лесов остались унылые пустыри, климат резко ухудшился, и бесследно исчезли многие виды животных.

В царской России, в результате хищнической охоты, почти исчезли драгоценный соболь, речной бобр, котик, калан (камчатский бобр), сайга, благородный олень. Эти виды исчезли бы вовсе, если бы Великая Октябрьская социалистическая революция не положила конец капиталистическому ограблению нашей природы.

Многовековое опустошение животного мира в дореволюционное время сильнее всего сказалось в наших центральных степных и лесостепных областях, где нет ни малодоступных гор, ни труднопроходимых лесов или болот и где звери легко доставались охотнику.

Таковы сложные и глубокие причины того, что донбассовские горняки или белгородские колхозники — любители охоты — считают завидной дичью зайца русака и многие из них никогда не видели благородного оленя.

Можно ли исправить эту историческую несправедливость? Можно ли обогатить промысловыми и другими полезными животными наши обиженные в этом отношении области? Да, можно. Что же для этого нужно делать?

Нужно переселять животных. С Дальнего Востока и Кавказа — в Курскую, Орловскую и другие средние области.

Переселять из лесов в лесостепи, с малодоступных гор — в равнины, из камышовых дебрей Аму-Дарьи — в поймы Дона и Днепра. Но мало этого. Нам не следует ограничиваться переселением только своих животных. Нужно также использовать богатейшие резервы мировой фауны и переселять животных из африканских саванн в украинские и донские степи, из джунглей Индии — в леса Кавказа и Крыма.

В любой зоогеографической области найдется не-

сколько ценных видов животных, которые было бы полезно переселить к нам.

Это заманчиво, но возможно ли практически? Смогут ли жить африканские антилопы в степях Херсонщины, а австралийские страусы — где-нибудь в среднем Поволжье?

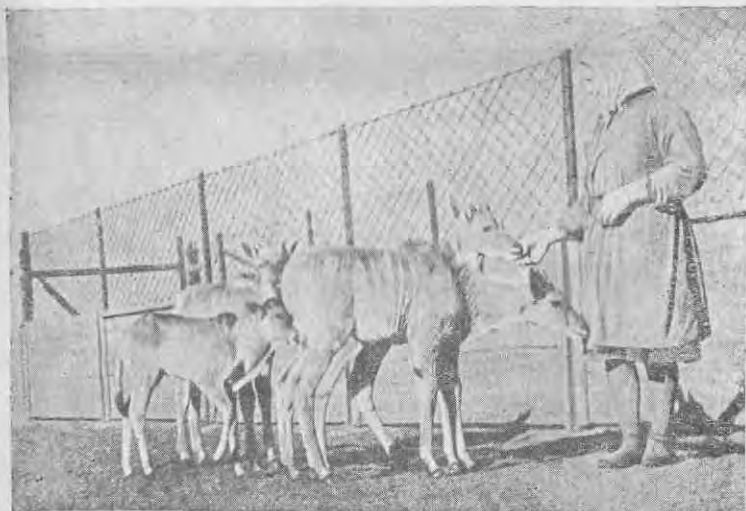
Да, смогут. Но для этого иноземным животным придется претерпеть сложный процесс приспособления к новому климату, новым кормам, новым соседям — местным животным, к новым болезням, паразитам, новой почве, короче — к новой среде жизни.

Такой процесс привыкания животных или растений к новым жизненным условиям, во время которого, из поколения в поколение, происходит серьезная перестройка их организмов, и принято называть *а к к л и м а т и з а ц и е й*. Чем больше будут отличаться для перемещенного животного условия его жизни на родине от тех новых, в которые оно переселяется, тем глубже и сложнее будет процесс его акклиматизации.

Есть животные, настолько узко приспособленные к строго определенным условиям жизни, что при незначительном изменении этих условий они уже будут терпеть бедствие. Например, в Южной Америке живут крохотные птички колибри. Они питаются, как бабочки, нектаром тропических цветов вполне определенных видов, и стоит только этим цветам, хотя бы на короткое время, исчезнуть, как колибри будут голодать и гибнуть, так как, кроме нектара, ничем другим они питаться не могут. Однако таких узкоприспособленных видов среди птиц и млекопитающих животных немного. Подавляющее их большинство обладает способностью перестраивать свои потребности и приспособливаться к изменившимся условиям жизни. Эта способность к сравнительно быстрому приспособлению проявляется у каждого вида по-разному, у одних больше, у других меньше, и может изменяться в зависимости от многих внешних причин.

Воздействуя на животных различными способами, например: особой системой кормления и содержания, специальным режимом воспитания молодняка, скрещиванием родственных видов, — можно намного увеличить приспособляемость, или, как иногда говорят, *п л а с т и ч н о с т ь*, которая и обеспечивает успех акклиматизации.

Работа по акклиматизации животных у нас в СССР

Приручаемый молодняк антилоп канна и зебу.

широко развернулась около двадцати лет назад и увенчалась большими успехами, особенно в отношении некоторых иноземных пушных зверей. Одним из первых был завезен североамериканский пушной грызун ондатра. Этого полуводного зверка у нас несколько раз выпускали в болотистые и озерные районы на севере страны, где он так хорошо прижился и размножился, что сейчас начинает конкурировать по количеству заготавливаемых шкурок с основным нашим массовым пушным видом — белкой.

Вслед за ондатрой был завезен южноамериканский болотный бобр нутрия и выпущен в южные болота и плавни. На примере ондатры и нутрии мы видим блестящий по результатам опыт в о л ь н о й акклиматизации, когда завезенное иноземное животное, без предварительной его подготовки, сразу же выпускается на волю в подходящие уголья. В этом случае организму животного приходится самому, почти без помощи человека, приспособиться к новой жизненной среде, и эта среда, разумеется, не должна слишком сильно отличаться от той, какая существует на родине акклиматизируемого животного.

Другое дело, когда эти различия велики. Тогда животных приходится долго выдерживать в искусственно созданных промежуточных условиях и обычно сочетать акклиматизацию с другим важным процессом — с одомашниванием.

Так, при помощи одомашнивания, еще в незапамятные времена были акклиматизированы в наших широтах тропические птицы — курица, цесарка, павлин. Таким же образом привыкла к архангельским и иркутским морозам африканская нубийская кошка, постепенно превратившаяся в нашу домашнюю кошку.

И вот здесь перед нами встает очень важный вопрос.

Почему человек за тысячелетия своей истории превратил в домашних животных только очень немногие виды из богатейшего их разнообразия на земном шаре?

Попробуем перечислить эти домашние виды. Собака, кошка, лошадь, осел, верблюд, лама, корова, як, буйвол, зебу, овца, коза, северный олень, свинья, кролик, морская свинка. Из птиц — курица, цесарка, индейка, гусь, утка, голубь. Из насекомых — тутовый шелкопряд, пчела. К этим безусловно домашним формам можно еще добавить условно домашних, как: слон, гаял («бык джунглей»), лебедь, павлин, мускусная утка, да, пожалуй, еще белая крыса и белая мышь, которых разводят для нужд лабораторий, а иногда и для забавы.

Таким образом, мы с натяжкой насчитали всего 31 форму домашних и полудомашних животных, из которых 20 форм млекопитающих, 9 — птиц и 2 — насекомых.

Это очень мало по сравнению с большим списком обитающих на Земле полезных животных. Ведь в этом списке только одних копытных животных более ста видов!

Только в наше время стали делаться попытки увеличения списка домашних животных за счет одомашнивания ценных пушных зверей, некоторых копытных животных и промысловых или декоративных птиц.

Работа по одомашниванию диких животных может иметь успех только тогда, когда она приобретает крупные государственные масштабы, строится на серьезной научной основе и полностью обеспечивается материально.

Это возможно только в нашей стране, в стране победившего социализма, где все государственные ресурсы строго планируются и подчиняются одной общей идее,

«Малый» страусятник в зоопарке.

идее подъема благосостояния и культуры народа, где возможно проведение таких мероприятий, положительный результат которых смогут использовать лишь будущие поколения.

Опыты одомашнивания новых видов животных в условиях капиталистической страны если и проводятся, то, как правило, имеют небольшие масштабы и любительский характер и ведутся до тех пор, пока хватает личных средств у поставившего их энтузиаста-опытника. Никакая крупная капиталистическая фирма не станет финансировать затею, от которой нельзя ожидать видов на обогащение в ближайшие годы, как это обычно бывает при изобретении какой-нибудь новой машины. Повидимому, это и есть главная причина того, что животноводы всех стран и всех средних и новых веков все свои творческие усилия сосредоточивали на совершенствовании оставшихся от доисторического человека животных — лошадей, коров, овец, свиней, кроликов, собак, кур, уток, гусей.

Чтобы создать новую, более доходную породу домашнего животного, нужно пять, десять, много двадцать

лет, и за всё это время животные, с которыми работает селекционер, не прекращают давать товарную продукцию, чем окупают и свое содержание и дополнительные, связанные с племенной работой, расходы. Но чтобы полностью одомашнить новый вид из дикой фауны, нужно в пять-десять раз больше времени, в течение которого никаких доходов от подопытных животных обычно не получается, и вся работа бывает рассчитана на будущее, иногда вовсе не близкое. Однако такая работа имеет глубокий и благородный смысл.

Старый лесовод, засевающий десятки и сотни гектаров семенами дуба, сосны или эвкалипта, знает, что ему уже не придется увидеть на этом месте высокие и могучие деревья. Но он твердо убежден в том, что эти деревья непременно здесь вырастут и их увидят его внуки и с глубокой благодарностью вспомнят его, давно уже ушедшего из жизни.

Ученый, работающий над созданием новых видов домашних животных, смотрит еще дальше в будущее, так как плоды его труда будут существовать и приносить людям пользу тысячелетия.

ПОДАРКИ ВНУКАМ

В нашей стране работа по одомашниванию хозяйственно-перспективных диких животных по-настоящему стала развиваться только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Большие успехи у нас достигнуты в области одомашнивания ценных пушных зверей — лисицы, соболя, куницы, норки, речного бобра. В результате селекции серебристо-черных лисиц получены целые породные группы этих животных с небывалыми расцветками меха (пегие, «латиновые»), способными удовлетворить самые прихотливые вкусы потребителя. Это показывает, что почти уже создана настоящая домашняя форма лисицы, резко отличная от своего дикого родича.

Известный знаток диких животных лауреат Сталинской премии профессор П. А. Мантейфель, в результате большой и упорной работы по одомашниванию нашего

могучего лесного красавца — лося, создал группу упряжных лосей, которые показали выдающуюся работоспособность и резвость. Для северных лесных областей, в зимнее время, лось может быть незаменимым упряжным животным, так как ему не страшны никакие снега. Лось идет по сугробам, почти не проваливаясь и не сбавляя аллюра.

Однако в отношении одомашнивания диких копытных животных и птиц работа еще только начинает разворачиваться. Материалом для одомашнивания могут служить не только наши лоси, олени, горные козлы и дикие бараны. Мировая фауна — обильный источник самых различных форм, пригодных для разведения в качестве упряжных, мясных, молочных, шерстных, кожных и, наконец, в качестве просто декоративных, способных еще более украсить нашу жизнь, животных. Наибольший интерес представляют еще не одомашненные виды крупного рогатого скота и его близкие родственницы антилопы, а также дикие козы, бараны, олени, дикие лошади, страусы, лебеди, некоторые утки, фазаны и другие птицы из отряда куриных. Многие из перечисленных животных — жители далеких южных стран, и их одомашнивание и разведение в нашей стране сопряжено с глубокой их акклиматизацией. Чтобы успешно акклиматизировать у нас степных африканских антилоп или аргентинских страусов, их, разумеется, не следует завозить в тайгу Приуралья или на Кольский полуостров. Этим нужно заниматься в наших южных степях и, отбирая наиболее податливые виды, наиболее приспособившиеся экзemplяры, потом, если нужно, постепенно перемещать их в более северные районы.

Именно такой станцией по акклиматизации и одомашниванию южных степных, а частично и лесных животных и является зоопарк Аскании-Нова.

Это не такой зоопарк, какие бывают обычно в больших городах, в нем нет ни львов, ни обезьян, ни крокодилов. Видовой состав животных асканийского зоопарка сравнительно небогат и подобран строго в соответствии с основными разрешаемыми здесь вопросами акклиматизации и одомашнивания хозяйственно-перспективных видов.

Зоопарк разделен на три больших секции: секция копытных, секция страусов и орнитопарк (секция птиц).

Страусы выделены из орнитопарка в особую секцию потому, что работа с ними имеет много особенностей, а техника ухода зачастую приближается к уходу за крупными копытными животными.

Прежде чем говорить о животных зоопарка и проводимых над ними опытах, мы кратко опишем ту природную среду, в которой живут и акклиматизируются эти животные.

Территориально зоопарк делится на две резко отличных части — степную и лесопарк, в котором размещена орнитологическая секция.

Лесопарк представляет собой массив искусственно выращенного леса площадью около сорока гектаров. Подбор деревьев и кустарников, составляющих подлесок и опушки куртин, выполнен так, что у посетителя создается полное впечатление, что он находится не в насаженном парке, а в диком широколиственном лесу, какой можно видеть в предгорьях Кавказа или в Крыму.

Лесопарк обильно орошается сложной сетью каналов и прудами. Поэтому деревья и кустарники здесь образуют непролазную чащу, полную свежести и сочной зелени.

Марья Николаевна и Степка.

Черные лебеди.

Пересекающие парк дорожки причудливо извиваются между толстыми стволами деревьев и похожи не на парковые аллеи, а на настоящие лесные дорожки, проложенные колесами крестьянских повозок.

Главный пруд орнитопарка ограничивает с северо-запада основной лесной массив и похож на естественное лесное озеро с островками, густо заросшими деревьями. Примыкающая к лесу часть озера глубокая, здесь зимой остается незамерзающая полынья, на которой держится масса парковых уток, гусей и лебедей.

Противоположный берег — более мелкий; это летнее обиталище водных птиц. Здесь, в прибрежном мелководье, среди густых зарослей тростника с утра до вечера копошатся утки, а на плоских открытых, луговых берегах отдыхают лебеди, гуси, казарки.

С севера к орнитопарку примыкают «внешние пруды», о которых мы уже говорили выше. К северо-западу от зоопарковских прудов местность постепенно понижается, и это понижение заканчивается обширной степной впадиной. Это так называемый Чапельский под. При многоводной весне под заполняется водой, и тогда здесь образуется временное озеро шириной в пять-шесть километров. Иногда воды в поду бывает так много, что он соединяется с прудами зоопарка и даже затопляет часть лесного массива. Вода в поду держится до конца лета. Множество пролетных уток, куликов и других водных птиц тогда собирается здесь весной и частично остается на гнездование.

Большие разливы пода случаются один раз в пять-шесть лет и остаются в памяти асканийцев как своего рода птичьих праздники. В обычные сухие годы весь под и примыкающие к нему степные участки покрыты луговой — «подовой» — растительностью, состоящей из злаков, осок и молочаев, и ничто тогда здесь не напоминает о недавно бывших водных просторах.

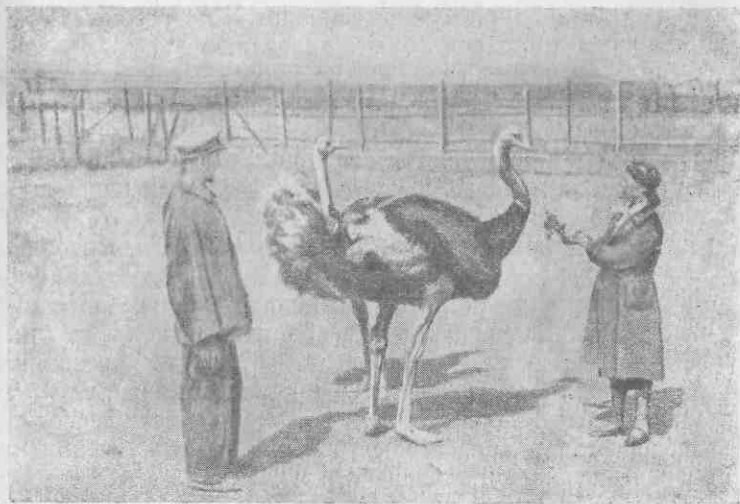
Генеральным планом реконструкции института Аскания-Нова предусмотрено производство таких работ, которые обеспечат регулярное поддержание обширного водоема в центре Чапельского пода.

Пройдя через орнитопарк по экскурсионной дорожке, посетитель попадает в степную часть зоопарка, расположенную с южной его стороны. Здесь взорам экскурсанта открывается широкий и длинный, почти в полкилометра, проезд, по обеим сторонам которого тянутся вольерные дворы для крупных животных.

Это так называемый центральный вольерный коридор — демонстрационная часть страусиной секции и секции копытных. Здесь размещена только часть животных, предназначенная главным образом для показа многочисленным экскурсантам.

Зимой для плавающих птиц устраивают большую прорубь.

Утренний осмотр африканских страусов.

Основная территория степной части зоопарка представлена так называемым большим загонем. Это громадная вольера, огороженный сеткой участок степи площадью в 100 гектаров, примыкает двумя своими сторонами к орнитопарку и центральному коридору. В большом загоне есть пруд с группой старых деревьев и небольшой участок с недавно посаженной лесной куртиной, всё же остальное пространство представляет целинную степь, по которой почти на полной свободе пасутся различные копытные животные, а периодически и африканские страусы. Однако секции копытных и в большом загоне стало уже тесно.

Сейчас большая часть животных приучена слушаться пастуха и летом регулярно выгоняется на пастбище в открытую степь. В двенадцати километрах от центральной усадьбы института есть степной хутор «Бакир». Это филиал секции копытных зоопарка. Там содержится большое стадо антилоп, которые летом только на ночь загоняются в огороженные дворы, а всё остальное время проводят на полной свободе — в степи. У зоопарка есть

еще один филиал, расположенный в древней пойме Днепра, но о нем речь будет впереди.

Теплолюбивые тропические животные зоопарка на зиму помещаются в специальные здания. Эти здания — антилопники, зебрятники, страусятники — мало чем отличаются от обычных благоустроенных скотных дворов.

В Аскании-Нова стремятся приблизить содержание диких животных к содержанию домашнего скота.

Это способствует привыканию животных к постоянной близости человека, делает их более доверчивыми. К определенной группе животных прикрепляется постоянный служитель, выполняющий все процедуры ухода за ними, начиная от очистки денников и кончая кормлением. Ежедневно общаясь с одними и теми же животными, служитель детально изучает каждое из них и своевременно замечает малейшие изменения в их поведении или признаки начинающихся заболеваний.

Опытный служитель зоопарка — это редкая и ценная квалификация. Это те весьма важные «винтики» в организации зоопарка, от качества работы которых зависит не только его нормальная жизнь, но и успех проводимой научно-исследовательской работы.

Видовой состав и особенности животных зоопарка удобнее описывать по секциям. Начнем опять-таки с орнитопарка. Его основу составляют вольноживущие парковые птицы — фазаны, утки и гуси.

Парковыми птицами называются такие, каких еще нельзя считать домашними, даже полудомашними, так как они живут на полной свободе, летают, куда им вздумается, делают свои гнезда, где найдут удобным, пользуются кормами, какие им предоставляет природа. Однако это и не дикie птицы. Они живут в парке — искусственно созданном местообитании. Они получают от человека подкормку в виде зерновых отходов или овощей, так как при обилии птиц в парке никаких естественных кормов им бы иначе нехватало.

Человек охраняет парковых птиц от хищников, зимой устраивает защиту от холодного ветра, очищает от льда полынью, в которой они плавают, и стелет по ее берегам солому, чтобы птицы могли обогреть свои лапки.

Весной в парке выставляются много гнездовых домиков, которые охотно занимают утки — кряквы и огари — и кладут в них свои яйца.

Парковые птицы не боятся человека и не шарахаются от него, как настоящие дикие утки, гуси и фазаны. Основные виды парковых птиц в Аскании-Нова — утки кряквы, утки огари, серые гуси и фазаны. Асканийский парковый фазан — это особая форма, выведенная в Аскании-Нова в результате скрещивания трех видов фазанов: кавказского, монгольского и семиреченского. Это прекрасный охотничий фазан, хорошо приспособленный к жизни в лесостепной и степной местностях. Он является незаменимой птицей для расселения по полезащитным полосам и как охотничья дичь, и как серьезный истребитель вредных насекомых.

В результате длительного разведения, под контролем человека, утки кряквы удалось подавить ее перелетный инстинкт.

В Аскании-Нова большая часть парковых крякв живет оседло. Утки огари и серые гуси здесь были поселены искусственно и хорошо прижились. Все эти водные птицы могут быть прекрасным материалом для заселения новых полевых водоемов.

Следующая ступень одомашнивания — это полудомашние птицы. К ним из птиц асканийского зоопарка мы относим лебедей — кликуна и шипуна, — мускусную утку, павлина и, пожалуй, цесарку. Все они свободно бродят по парку, но живут на полном попечении человека. Настоящими домашними птицами их нельзя назвать потому, что у них еще не выработались особые хозяйственно-полезные признаки, которые бы резко отличали их от диких родичей. Однако из них цесарка и мускусная утка уже имеют много прав, чтобы перейти в разряд домашних птиц. Что касается лебедей и павлина, то они представляют несомненную ценность как птицы декоративные.

В орнитопарке есть и вольерная группа птиц, то есть таких, которые содержатся в неволе, в более или менее просторных вольерах-садках. В этой группе много видов, и все они, в той или иной мере, служат опытным, экспериментальным целям.

Вот ближайший родственник «священного» египетского ибиса — наш, астраханский ибис — каравайка. По берегам Каспия эта птица считается любимой дичью у охотников. Каравайка довольно красива, оригинальна на вид, и ее держат во многих зоопарках. Однако, ка-

жется, нигде еще каравайка в неволе не размножалась, кроме Аскании-Нова. Работа, которую здесь вели с целью восстановления способности к размножению у каравайки в условиях вольеры, дала много интересного теоретического материала. Но вот другая птица, также не размножающаяся в неволе, обитатель берегов Азовского моря, — утка пеганка. Свое гнездо пеганка устилает пухом, который мало уступает знаменитому гагачьему пуху. Ради него стоит поработать над одомашниванием этой птицы.

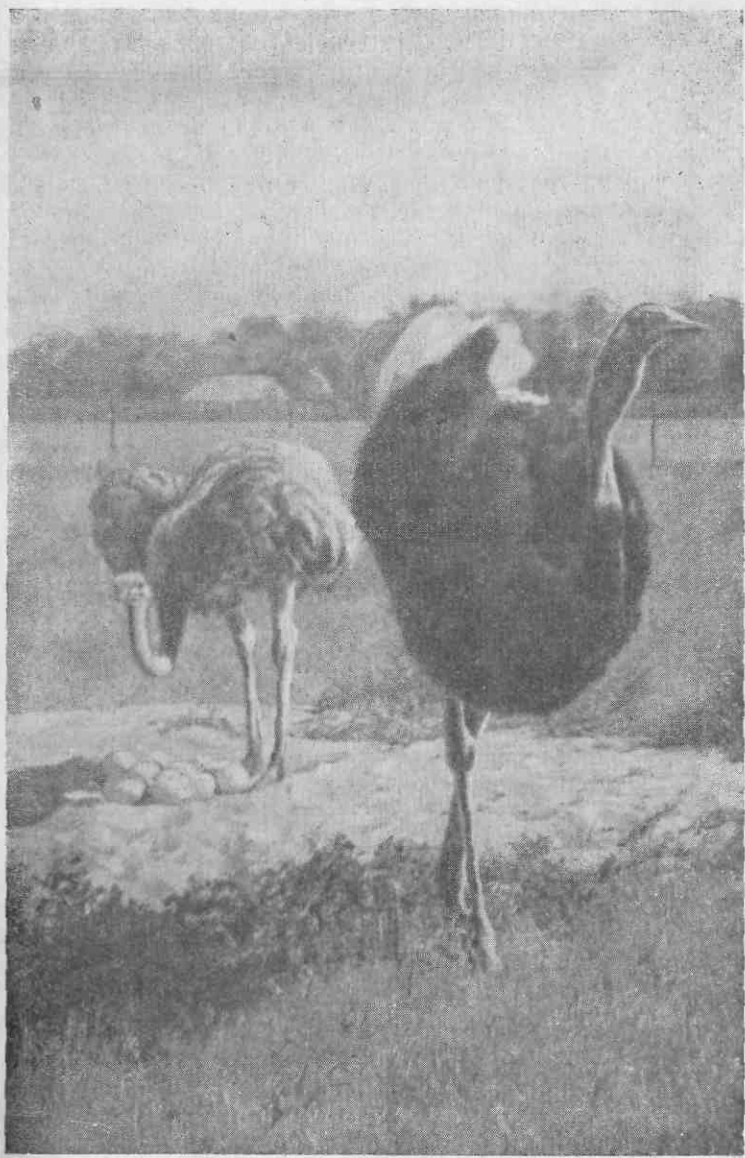
Но как же ее одомашнивать, если она не размножается в домашних условиях? В Аскании-Нова справились и с этой задачей. Начиная с 1948 года, вольерные пеганки здесь регулярно размножаются, да еще на месяц раньше срока, положенного природой.

Из вольерной группы орнитопарка всеобщее внимание обычно привлекают австралийские черные лебеди. Эти птицы у себя на родине почти уже истреблены ради красивых волнистых перьев. Размножение черных лебедей в неволе пока удается только Московскому зоопарку. Совсем по-иному ведут себя другие «австралийцы» — волнистые попугайчики, они размножаются почти круглый год. Для этого нужно только, чтобы в вольере их было побольше, десяток-полтора, иначе эти колониальные птицы не будут чувствовать себя уверенно и не будут нести яйца, даже при наличии в вольере гнездовых домиков.

В Аскании-Нова разводят волнистых попугайчиков тысячами, так как они пользуются очень большим спросом как декоративные комнатные птички.

В секции страусов имеется три вида страусов: страус африканский, аргентинский, или нанду, и австралийский — эму. Из них только один африканский считается, собственно, страусом. У него на ногах всего по два пальца, а это, с точки зрения зоологов, совершенно необходимый признак для того, чтобы быть настоящим страусом.

У нанду и эму — трехпалые ноги, и они относятся к двум самостоятельным отрядам, хотя в обиходе и называются также страусами. Практический смысл работы со страусами заключается в том, что эти гигантские птицы представляют несомненный хозяйственный интерес. В самом деле, даже самый мелкий из страусов —

Африканские страусы у своего гнезда в зоопарке.

нанду — весит около двух пудов. Самки этого вида несут за сезон до шестидесяти штук яиц по 450—500 граммов весом. Вкусовые качества страусиного мяса и яиц высокие. Что же касается африканского страуса, то от каждого из них можно получить чистого мяса более 100 килограммов и от самок по полсотни яиц, по полтора-два килограмма весом каждое. Кроме того, самцы африканских страусов при линьке дают чудесные перья, идущие на украшение женских головных уборов.

Однако африканский страус почти не выносит температуры ниже нуля. Это потому, что его тело очень слабо и неравномерно защищено перьями. И, за многолетний период акклиматизации этого вида в Аскании-Нова, не удалось в сколько-нибудь значительной мере повысить его холодостойкость. Что же касается нанду и эму, то они здесь уже зимуют в неотапливаемых помещениях и легко выдерживают морозы до —15 градусов. Такая холодостойкость, которой могут позавидовать многие наши исконно домашние птицы, является прямым результатом акклиматизации этих птиц южного субтропического пояса в наших широтах.

Впрочем у эму есть одна досадная особенность, которая пока мешает содержать их в наших южных областях круглый год на открытом воздухе. Эти страусы «не хотят» изменить своему австралийскому календарю и упорно начинают нести яйца в декабре, то есть в самое наше холодное время. А известно, что даже слабый мороз в 7—8 градусов может убить зародыш в птичьем яйце. Если бы удалось передвинуть сроки гнездования эму на весну, на апрель или май, тогда при хозяйственном разведении этой птицы отпала бы необходимость устройства теплых гнездовых помещений и чрезвычайно упростилась бы техника выращивания страусят, которая в зимних условиях обычно превращается в довольно-таки утомительную возню для обслуживающего персонала. Тогда можно было бы подумать и о вольном выпуске эму, где-либо в Закавказье или в Средней Азии, с целью обогащения местной фауны. Пути к преодолению «консерватизма» эму в отношении сроков его размножения уже намечаются, и в гнездовой период 1950 года в Аскании-Нова одна самка эму закончила кладку яиц в середине апреля.

До Великой Отечественной войны здесь было боль-

шое стадо нанду. Они летом жили в лесостепной части орнитопарка и мало требовали ухода. Только два раза в день им приносили корм и раскладывали по корытам. Гнездились нанду совершенно самостоятельно, тут же в парке. Заметим кстати, что у нанду и эму есть оригинальная особенность в размножении. У них делают гнезда, высиживают яйца и выхаживают молодняк только самцы. Обязанности самок ограничиваются лишь тем, что они кладут яйца в ямку-гнездо, подготовленное самцом. (У африканских страусов на гнезде сидят оба родителя попеременно, самка — днем, самец — ночью).

Молодняк асканийских нанду, высиженный самцами, хорошо вырастал на полной свободе и к осени, уже окрепший, загонялся вместе со взрослыми птицами в вольеры около страусятника.

Но, как мы уже говорили, фашистские захватчики уничтожили в Аскании-Нова почти всех нанду. После войны уцелело лишь шесть молодых птиц.

Разумеется, им была уделена особая забота, и, когда пришло время гнездования, их побоялись выпускать в парк и решили, что лучше будет, если нанду загнездятся в вольере, на глазах у человека, под постоянной его опекой.

Одна из уцелевших самок стала нести яйца, но ни один из двух имевшихся самцов гнезда в вольере не устроил и никакого интереса к яйцам не проявлял. Яйца пришлось заложить в инкубатор, и через тридцать восемь дней (положенный для нанду срок высиживания) из них вывелось всего два страусенка. За ними ухаживали, как за изнеженными барчуками, возле каждого птенца хлопотало чуть ли не по три няньки-служительницы. Страусят кормили вареным яйцом, творогом, молоком, белым хлебом, отборными овощами, а они вырастали хилыми, недоразвитыми птицами. На следующий год повторилось то же самое, вывелся всего только один нантусенок, а заботы об нем были удвоены. Этот вырос несколько не лучше своих предшественников. Тогда зоопарковцам стала понятной их ошибка. Нужно было не отступать от довоенного опыта и поменьше нянчиться со страусами. Как ни хороша пища, которую давали страусяткам, но она, оказывается, не могла заменить им того, что они добывают сами в природе.

Самый первоначальный и наиболее полноценный корм

Самец нанду с выводком.

большинства птичьих детенышей — насекомые. Тело насекомых, особенно их личинки, имеют сложный химический состав, который нельзя полностью заменить ни яйцом, ни мясом, ни творогом.

На следующий гнездовой сезон всех нанду выпустили в парк. Один самец нанду сделал гнездо и, когда самки наложили в него яиц, сел высидывать. Вывелось пять нандусят, и их оставили с «папашей». Оставили, что называется, скрепя сердце. А вдруг приключится какое-нибудь несчастье, например случайно забежавшая в парк лисица или кошка утащит страусят, или они могут простудиться во время ночного дождя! Но ничего плохого не случилось. Самцы нанду — очень хорошие отцы и защитники своего потомства. Нандусята ловили многочисленных кузнечиков и других насекомых, поедали и приносили им подкормку и... все нормально выросли.

На следующий год два нандусенка из нового выводка были взяты от отца и отданы на воспитание, один — старой страусиной «няне»-служительнице, большой специалистке по части воспитания молодняка, другой же был отдан юной натуралистке, у которой никакого опыта не

было, а была любовь к животным и страстное желание возиться с ними. Старой служительнице было указано держать нандусенка в изысканных условиях и кормить отборными продуктами, то есть опять тем же вареным яйцом, молоком, хлебом, творогом, мясом, лучшей зеленью. Юная натуралистка получила совершенно противоположное задание, а именно — ходить ежедневно в степь и брать с собой нандусенка, только так, чтобы он сам бежал за ней. Кстати, приучить к этому страусенка очень легко. В степи страусенок должен был сам ловить насекомых, и только в виде добавки нужно было давать ему немного моркови, салата и хлеба.

Обе воспитательницы самоотверженно выполняли свои обязанности, причем юннатка сама помогала нандусенку ловить кобылок и накармливала его ими так, что когда Степка (так назвала своего воспитанника юннатка) возвращался с «пастбища», у него желудок и пищевод доверху бывали набиты насекомыми. И вот результат этого опыта: у опытной служительницы из страусенка получился хилый рахитик, который потом зимой заболел и погиб. Степка же вырос замечательным могучим страусом. Он потом стал лучшим самцом в зоопарковском стаде нанду.

Контролем для обоих подопытных страусят были их братья и сестры, оставленные в парке с отцом. Они нормально выросли и, может быть, чуть-чуть уступали в развитии Степке.

Оказывается, что если применять правильные методы кормления и воспитания молодняка страусов, основанные на данных, полученных у самой природы, можно выращивать хороших птиц и без участия страусов-отцов.

Когда нандусята достигают возраста в полтора-два месяца, наступает критический период их развития. В это время им часто угрожает рахит — этот бич почти всех растущих детенышей. Чтобы избежать рахита, нужно им давать пищу, богатую витаминами, главным образом витамином «Д», и обязательно содержащую фосфор и кальций. В природе страусята, в этот критический период роста, глотают много ящериц, которые содержат в себе и витамины, и фосфор, и кальций. В условиях зоопарка кормить ящерицами большое стадо страусов, разумеется, невозможно. Поэтому в Аскании-Нова молодым нанду дают рыбу, обыкновенных прудовых карасей,

свежих, лучше всего — еще живых. Рыба вполне заменяет ящериц.

Сейчас в Аскании-Нова всех нанду на лето выпускают в парк. В период размножения самцы нанду становятся очень воинственными. Они ходят по полянам и по дорожкам, угрожающе гудя, и нередко набрасываются на людей. Однако нанду для человека не опасен, самое большее, что он может сделать, — это поцарапать своим клювом кожу на руках или на лице. У зоопарковцев выработался простой прием обороны от нападающего нанду. Нужно успеть схватить его левой рукой за клюв или просто за голову, правой обнять его за спину, повернуть к себе задом, надавать несколько умеренных шлепков ладонью по мясистым ляжкам страуса и затем отпустить его во-свояси.

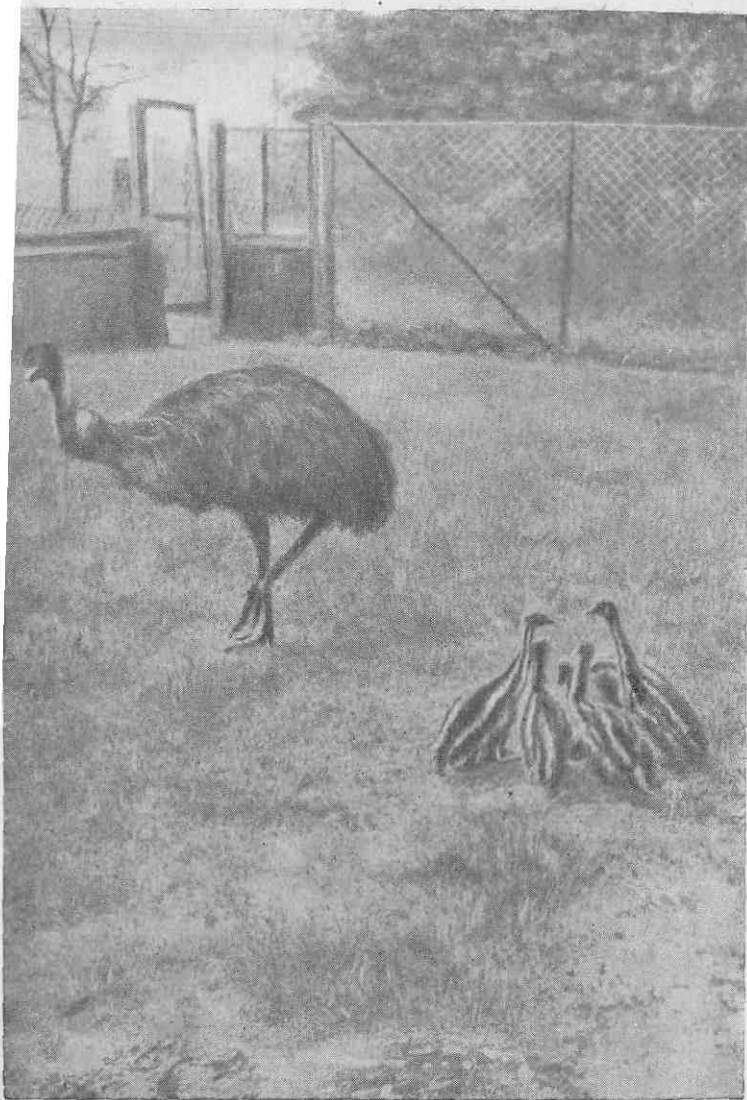
Обычно после такой процедуры драчун опрометью пускается прочь от человека, да с такой скоростью, что его не догонит и хороший велосипедист. Некоторые из асканийцев при встрече с драчуном нанду предпочитают попросту нырнуть в густой кустарник, куда страус ни под каким видом не полезет. Такой способ защиты здесь называется... «женским».

Но шутки плохи, если на человека нападет африканский страус. От него не отобьешься шлепками. Африканец бьет не клювом, а ногами. Ноги же у него не слабее, чем у лошади, и вооружены крепкими и острыми когтями. Ударом ноги африканец может переломать ребра или распороть живот. Поэтому африканских страусов в парк не выпускают, и к ним в вольеры, кроме опытных служителей, никто не заходит.

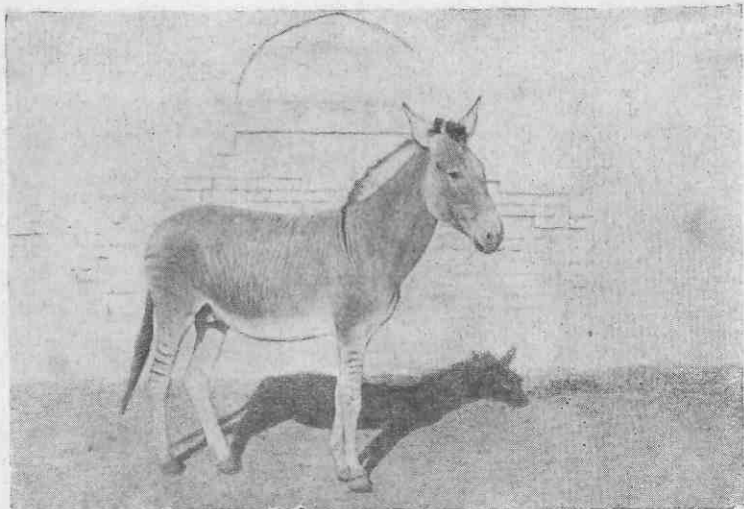
Эму довольно добродушны, а если какой из них и рассердится, то от него можно отбиться обыкновенной метлой.

Кстати, у эму интересно проходит период высидивания яиц. Самец сидит на них 55—58 дней! И за это время ничего не ест, живет за счет запасов жира в теле, находясь в состоянии полудремоты.

В секции копытных животных, как и в орнитопарке, мы видим значительное видовое разнообразие. Всех животных этой большой секции можно объединить, в соответствии с их систематической принадлежностью, в следующие группы: лошади, быки, антилопы, олени, козы и бараны, свиньи. Первые четыре группы — и по

Самец эму со своим потомством.

Редкий гибрид зебры с лошадью Пржевальского.

количеству, и по объему проводимой с ними работы — имеют в зоопарке наибольший удельный вес.

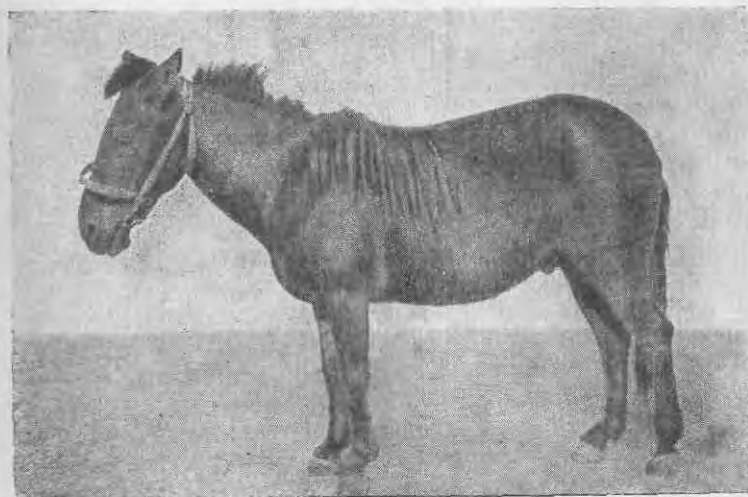
Начнем с лошадей. К ним относятся лошадь Пржевальского, зебра, кулан и осел. Домашние лошади хоть и есть в зоопарке, но они выполняют здесь скромную роль рабочих животных, обслуживающих его хозяйственные нужды, а если и участвуют иногда в научных экспериментах, то лишь в качестве материала для скрещивания с дикими видами лошадей.

Настоящей дикой лошадью, еще уцелевшей на Земле, можно считать только жительницу монгольских степей — лошадь Пржевальского. Она получила свое зоологическое имя в честь знаменитого русского ученого-путешественника Н. М. Пржевальского, впервые открывшего и описавшего ее. Этот вид лошади почти исчез. На родине — в Монгольской Народной Республике — их осталось, повидимому, очень мало. Крайне редко попадают они и в зоопарки. Следовательно, задача сохранения и восстановления этого вида есть задача культурного порядка. Еще при жизни наших дедов и прадедов

исчезли, в результате хищнического истребления, дикая африканская лошадь квагга, стеллерова морская корова, тарпан, бескрылый чистик, огромный нелетающий голубь дронг, странствующий голубь Америки. Их не могла спасти пресловутая капиталистическая цивилизация. Но можем ли мы допустить, чтобы наши потомки помянули нас недобрым словом за то, что мы не сберегли на Земле последнего дикого предка лошади, а также кулана, сайгу, зубра, которых тоже осталось очень мало? Если эти задачи были непосильны для ученых в ушедшую эпоху фальц-фейнов, то теперь само Советское государство всей неисчерпаемой силой своих возможностей помогает нам в этом благородном деле, которое является делом чести нашей советской науки.

До Великой Отечественной войны в Аскании-Нова была целая группа лошадей Пржевальского и их помесей с домашней лошастью.

Пржевальцы паслись в целинной степи красивым буйным косяком и привлекали внимание всех приезжавших сюда посетителей. Такого полудомашнего и

Зебранд — помесь домашней лошади с зеброй.

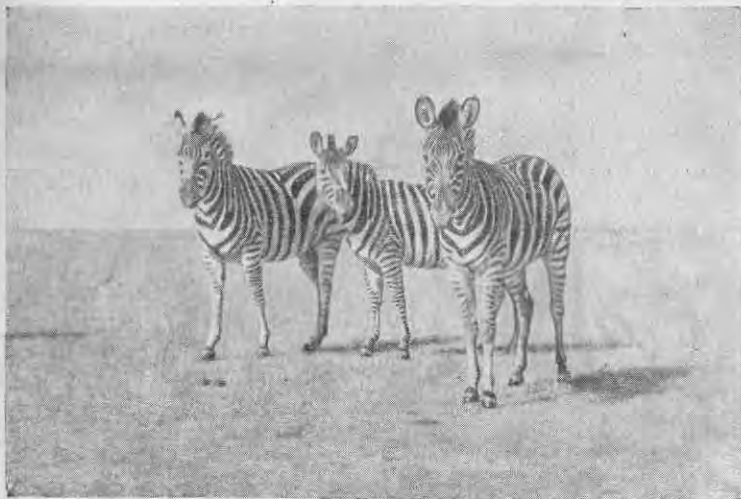
хорошо размножавшегося стада лошадей Пржевальского больше не было нигде в мире. И это единственное стадо было уничтожено гитлеровцами. Правда, диких лошадей не расстреляли, как страусов нанду, — их увезли куда-то на Запад, вместе с другим награбленным русским добром. Когда фашистская Германия была разгромлена, наши люди искали асканийских пржевальцев почти по всей Западной Европе и нашли в Германии только одного старого самца Орлика. Остальные, видимо, погибли в сумятице последних ожесточенных боев.

Орлик снова в асканийском зоопарке. Но он один, и не только в Аскании-Нова, но и во всем СССР. Как же работать над восстановлением исчезающего вида, имея всего одно животное этого вида? Приходится использовать Орлика для скрещивания с домашней лошастью.

Сейчас в Аскании-Нова уже есть пара гибридных жеребят от Орлика и домашних кобылиц и ожидается рождение еще трех. Гибриды лошади Пржевальского с домашней, в отличие от мулов, лошаков и зеброидов, плодовиты. Это позволяет вести с ними селекционную работу и накапливать в потомстве полезные признаки лошади Пржевальского — выносливость, неприхотливость к корму, резвый нрав. Правда, этот «нрав» у чистых пржевальцев может явиться источником многих огорчений для тех, кто с ними имеет дело. Лошадь Пржевальского довольно-таки зла и неукротима.

Далее в группе лошадей у нас значатся зебры. Они составляют особый род полосатых лошадей, свойственных исключительно Африке. Зоологи насчитывают не менее трех видов зебр: зебра Чапмана, зебра Гриви (по именам описавших их путешественников) и горная зебра. Сейчас в Аскании-Нова есть только наиболее распространенная зебра Чапмана. Их здесь целый косяк, более десяти экземпляров.

Зебра, при своем сравнительно небольшом росте, отличается исключительной выносливостью и силой, значительно превосходящей силу обычной лошади. Под ее полосатой, «бархатной» кожей таится великолепная мускулатура. Зебра легко переносит любую жару и может долго обходиться без воды. Такие качества представляют большой практический интерес, и многие животноводы давно уже мечтают одомашнить зебру и превратить ее в упряжное животное. Однако попытки

Зебры в зоопарке.

приучить зебру к упряжи и послушанию удавались лишь очень немногим и ненадолго.

В обычных условиях зоопарка зебра очень миролюбива, на человека никогда не нападает, ее легко перегонять из одной вольеры в другую, можно смело заходить к ней в денник. Но стоит только применить в отношении зебры какое-либо насилие, например попробовать надеть уздечку или оседлать, как всё ее кажущееся спокойствие моментально исчезает и она начинает яростно сопротивляться, пуская в ход всю свою силу и проворство.

Чтобы удержать зебру на аркане, а это иногда приходится делать в зоопарке, нужны согласованные и умелые действия пяти-шести сильных мужчин, да и то с известной долей риска. Повидимому, неукротимый нрав зебры и служит причиной того, что это замечательное животное до сих пор еще не одомашнено.

В Аскании-Нова хозяйственное освоение зебры идет другим путем. Ее скрещивают с родственными видами — с домашней лошадью, с ослом и с лошадью Пржеваль-

ского. Гибриды, которых обычно называют зеброидами, во всех комбинациях получаются бесплодными. Это участь многих отдаленных гибридов, то есть таких помесей, которые являются результатом скрещивания животных различных видов, тем более — различных родов. Наилучший результат получается при скрещивании самца зебры с домашней кобылицей. У таких зеброидов очень удачно сочетаются сила и выносливость первого родителя с покладистым нравом второго. Многое, разумеется, зависит и от воспитания гибридного жеребенка, от его кормления и тренировки.

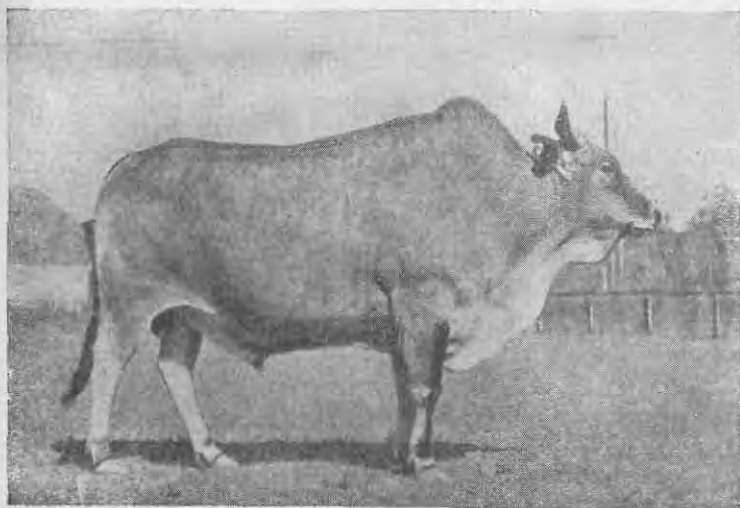
В асканийском зоопарке сейчас есть одна зебролошадь, которая работает наряду с домашними лошадьми и волами, возит повозки с сеном, запрягается в косилку или в плуг и превосходит своей работоспособностью любую рабочую лошадь не менее как в полтора раза.

В зоопарке есть пара куланов — диких ослов Средней и Южной Азии. Их участь несколько лучше участи лошади Пржевальского. Куланов сохранилось значительно больше, хотя они также относятся к редким животным. В пределах СССР кулан сейчас встречается на самом юге Туркменистана. Кулан, которого иногда называют онагром, представляет интерес как вид, стоящий несколько ближе к настоящей лошади, чем домашний осел.

Возможно, что скрещивая кулана с домашней лошадью, удастся получить плодовых мулов, которые будут представлять очень большую хозяйственную ценность, гораздо большую, нежели давно известные бесплодные гибриды домашнего осла с лошадью.

Для опытов по скрещиваниям разводятся в зоопарке и домашние ослы. При помощи осла был получен, например, очень интересный его гибрид с зеброй, который подвергся всестороннему изучению.

Следующая важная группа копытных животных зоопарка — быки, то есть, с точки зрения животноводов, дикие и полудикие виды крупного рогатого скота. Из них сейчас в зоопарке имеются: бизон, зебу, бантенг, гаял, як, парковый бык и различные их гибриды. Нужно заметить, что из перечисленных видов настоящей дикой формой теперь можно считать только бизона, все же остальные либо полностью домашние, как зебу, як, парковый бык, либо близки к этому, как гаял и бантенг. Жители

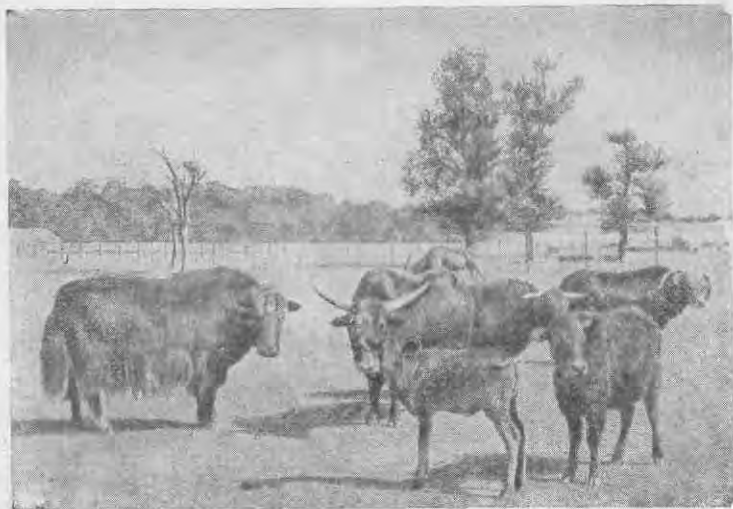
Гибрид бантенга и зебу в зоопарке.

Индии и других тропических стран Азии давно уже одомашнивают гаяла и бантенга, и эти животные сейчас встречаются и в диком и в одомашненном состоянии.

Южные формы быков в асканийском зоопарке служат материалом для скрещиваний с культурными породами домашнего скота. Вспомним, каким образом была создана порода «зебувидного» скота. В этом случае скрещивание примитивной формы — зебу — с высокопродуктивной красностепной коровой сразу же привело к положительным результатам. В других случаях от таких скрещиваний получаются хоть и интересные, но бесплодные гибриды, например гибрид зебу-бантенг или зебу-як, у которых плодовитость сохраняется только у самок.

Совсем недавно были получены весьма оригинальные гибриды от самца яка и самки гаяла. На этом поприще отдаленной гибридизации предстоит еще много работы и настойчивых исканий.

Совсем особое значение имеет в асканийском зоопарке работа по разведению бизонов, так как она связана с задачей восстановления зубра. Настоящих, чистых зубров сейчас на всем земном шаре остались считанные

Яки и их гибриды.

единицы, и если их будут всё время разводить, спаривая с животными этого вида, то скоро начнется вырождение этих животных от вредного влияния близко-родственных спариваний. Поэтому давно уже стали скрещивать зубра с его ближайшим родственником — американским бизоном. Получавшиеся помеси — зубробизоны — отличались крепостью и высокой жизнеспособностью. Далее разведение этих животных вели таким образом, чтобы в потомстве всё время накапливать кровь зубра и в конце концов получить опять настоящих зубров с ничтожной лишь примесью крови бизона, которая будет гарантировать этих животных от опасности вырождения. Как мы уже раньше говорили, такой работой до войны занимался асканийский зоопарк и накопил большое количество условно чистых зубров. Но зубр — лесное животное, он приспособлен к жизни в лесу, и нет никакого смысла работу по восстановлению этого вида усложнять еще его акклиматизацией в не свойственных ему степных условиях. Поэтому еще до Великой Отечественной войны Аскания-Нова стала передавать своих условно чистых зубров в лесные заповедники — Кавказский и Крым-

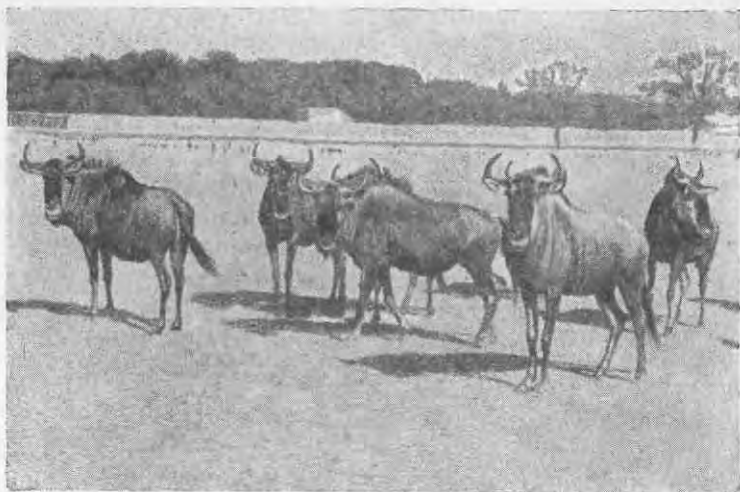
ский, где были созданы специальные зубровые парки. В Крыму все зубробизоны были уничтожены гитлеровскими захватчиками, но в Кавказском государственном заповеднике сейчас имеется крупнейший в мире зубровый парк. После войны возле города Серпухова у нас был создан еще один зубровый парк — центральный, в котором сосредоточены все имеющиеся в СССР чистые зубры.

Все работы, связанные с восстановлением зубра, у нас направляются специальным научным центром — Государственной комиссией по восстановлению зубра. Это учреждение, в котором работают крупные ученые, знатоки зубра, держит на учете всех наших зубров, зубробизонов и бизонов, следит за всеми изменениями, какие происходят в зубровых парках и других хозяйствах, имеющих этих животных.

Асканийскому зоопарку поручено разводить степных животных — бизонов, с тем чтобы иметь их в запасе для скрещивания с зубрами. Кроме того, в Аскании-Нова проводились удачные опыты скрещивания бизонов и зубробизонов с домашним скотом. Полученные от этих скрещиваний гибриды еще недостаточно изучены, и вполне возможно, что из них потом удастся вывести особую породу рабочего скота, исключительно сильную. Да и сам бизон представляет несомненный интерес для одомашнивания. Это огромное животное, до тонны весом, необычайно выносливое и неприхотливое. Из толстой кожи бизона можно делать подошвы, ремни и прочие подобные изделия несокрушимой прочности. Стоит посмотреть на этих сильных, головастых животных, когда они величаво идут на пастбище. В самом их облике виден мир далекой эпохи палеолита, когда холодное дыхание ледников заставляло зверей одеваться дремучим косматым мехом.

Перейдем теперь к группе животных, наиболее характерных для зоопарка Аскании-Нова, — к антилопам. Из очень большого их видового разнообразия здесь собраны только некоторые, наиболее крупные и практически интересные иноземные виды — канна, гну, нильгау и отечественные — сайга и джейран. Есть еще случайно приобретенный экземпляр небольшой и очень красивой индийской антилопы гарна.

Практика работы с антилопами в Аскании-Нова показала, что не все они оказываются в равной степени по-

Антилопы гну в зоопарке.

датливыми как в приспособлении к новым условиям жизни, так и в развитии нужных хозяйственно-полезных признаков. Бывает, что иноземная антилопа, будучи способной к сравнительно быстрой акклиматизации, упорно не поддается одомашниванию и у нее не удается выработать даже самый первоначальный признак домашнего животного — доверчивый и миролюбивый нрав. Примером может служить крупная африканская антилопа гну голубая. Ее родина — степи и саванны Центральной и Южной Африки, где никогда не бывает морозов и не выпадает снег. Тем не менее, в Аскании-Нова, в результате сорокалетнего периода акклиматизации, у гну настолько повысилась холодостойкость, что теперь они без всякого для себя вреда могут зимовать в неотапливаемых помещениях, при температуре воздуха 6—8 градусов ниже нуля. Был даже поставлен такой опыт: одну гну оставили зимовать под открытым небом, в летнем загоне, где антилопа жила почти всю зиму на снегу при морозах в 10—12 градусов, не проявляя заметных нарушений в состоянии здоровья. Только ударивший в конце февраля жестокий мороз в 28 градусов

убил животное. Однако такие морозы могут иметь роковые последствия не только для африканских, но и для обычных наших домашних, вполне «северных» животных.

Те же африканские гну, будучи весьма благодарным материалом для акклиматизации, почти совершенно не поддаются одомашниванию. Среди других копытных животных зоопарка нельзя найти более диких, пугливых и коварных, чем гну. За многолетний период настойчивой и терпеливой работы по одомашниванию гну достигнуты лишь ничтожные сдвиги в их поведении в отношении человека. До сих пор еще нельзя свободно заходить в загон, где пасется стадо гну, без риска подвергнуться нападению этих опасных животных. Люди ходят по загону с длинными арапниками в руке и не удаляясь от сетки ограждения, на которую, при нужде, можно быстро взобраться. Безопаснее же ехать «с визитом» к гну, сидя верхом на хорошей лошади и, опять-таки, с неизменным арапником у седла. Громкое, похожее на выстрел, хлопанье арапника пользуется «уважением» у многих животных.

В конце апреля, когда после зимнего содержания в антилопнике стадо гну выпускается в летний загон, работники зоопарка испытывают нечто похожее на то, что ощущают родители начинающего летчика, который в их присутствии совершает свой первый самостоятельный полет. Застоявшиеся в денниках животные, мгновенно, вылетают из помещения в первый, так называемый сортировочный дворик. Здесь они соединяются в стадо и затем, поднимая пыль, с дробным топотом острых раздвоенных копыт, как вихрь, вырываются в распахнутые ворота на простор большого загона. Часто бывает, что, пришедшие в момент выпуска в сильное возбуждение, гну колют друг друга своими серповидными рогами, нанося глубокие раны в бок, в брюхо. Молодые телята иногда, обезумев от свободы, на скакивают на заборы и разбивают об них свои черепа. Почти ежегодно весенний выпуск гну на пастбище сопровождается какими-либо неприятностями, и этот день в зоопарке считается самым боевым, ответственным днем.

Гну не подчиняются пастуху. Их еще не удавалось выгонять на вольное, неогороженное степное пастбище, как это делается в Аскании-Нова со многими другими животными. Гну всё лето живут в загоне, очень боль-

Стадо антилоп канна в открытой степи.

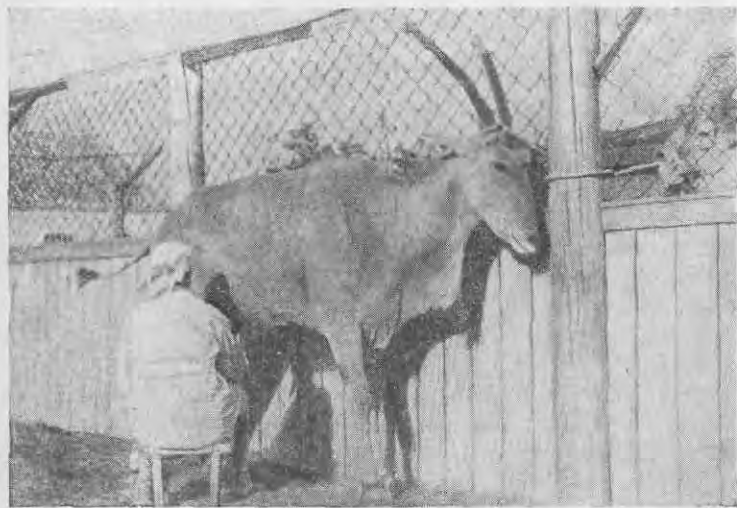
шом, но надежно огороженном прочной металлической сеткой, в два метра высотой.

Но вот противоположный пример. Другая, тоже африканская антилопа канна. В Аскании-Нова она считается почти совсем домашним животным. Стоит посмотреть, как летним утром большое стадо канн неторопливо выходит из ворот загона и направляется в открытую степь на пастбище. За стадом едет верховой, который слегка подгоняет животных обычными пастушескими окриками, направляя их куда следует. Пригнав свое стадо на пастбище, пастух расседлывает лошадь, пускает ее вместе с антилопами на траву, а сам, усевшись на старую сурчину, наблюдает за животными. Он может быть спокоен за стадо; оно будет медленно пастись недалеко от него, и ни одна антилопа никуда не убежит, не отобьется в сторону. Человек может смело подходить к пасущимся каннам, ходить среди них, и даже без традиционного арапника. В такой мирной обстановке длинные рога канны, прямые и острые, как штыки, кажутся всего лишь украшением этого сильного и стройного животного и только подчеркивают безраздельную власть человека над ним.

Молодые телята антилоп канна привязываются к воспитавшим их служителям сильнее и осмысленнее, чем это может быть у телят домашних коров или жеребят.

Но канна — это не только красивое, быстро ручное животное. Средний живой вес упитанного самца более полутонны. Мясо канны имеет превосходные вкусовые и питательные качества, а кожа — прекрасное обувное сырье. В асканийском зоопарке сейчас успешно проводится опыт раздаивания самок канна. Этот опыт показал, что молочные железы антилопы хорошо отзываются на массаж при ручной дойке, систематически увеличивая молокоотделение. Уже на третьем году раздоя канна может давать более шести литров молока в сутки, и ее молоко содержит молочного жира от 9 до 12 процентов, то есть в четыре раза больше, чем коровье. Есть также данные, которые позволяют считать молоко канны диетическим продуктом, полезным для людей, страдающих болезнями легких.

На очереди испытание рабочих качеств канны. При ее силе и резвости она может быть выдающимся упряж-

Дойка антилопы канны.

Группа асканийских маралов.

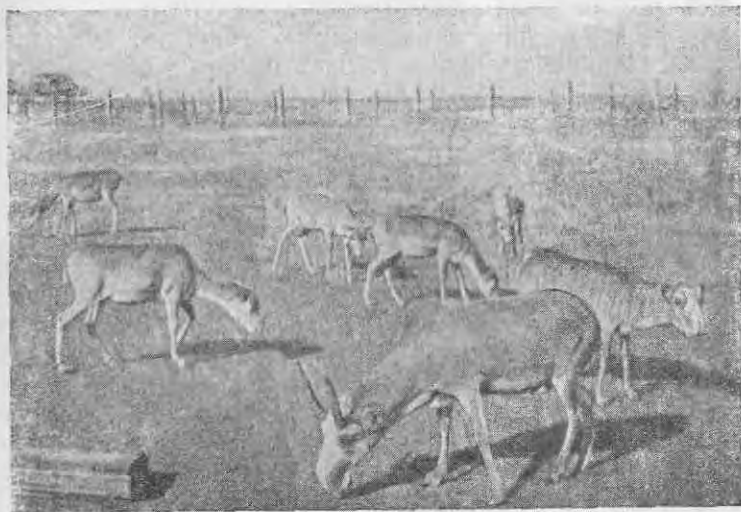
ным животным. Но даже и без этого канну уже можно считать весьма полезным домашним животным недалекого будущего.

Акклиматизационные свойства канны ниже, чем у ее африканской соотечественницы — гну. Канна пока еще не переносит отрицательных температур, страдает от осенней сырости и холодных ветров. Это только подчеркивает, что работа с антилопой должна идти по линии ее полного одомашнивания, чему способствует и ее мирный, покладистый характер. А для домашней антилопы, когда она стоит в благоустроенном, теплом и светлом антилопнике, климатические невзгоды не страшны.

Итак, мы имеем два противоположных примера из работы зоопарка с антилопами. С одной стороны, хорошо акклиматизировавшаяся на нашем Юге, но консервативная в своей дикости гну — материал для заселения заповедников и охотничьих парков нашего чудесного будущего. С другой — стоящая на пути полного одомашнивания, с большим резервом хозяйственных достоинств канна.

Между этими двумя примерами можно поставить третий, так сказать, промежуточный. Это крупная индийская антилопа нильгау. Она довольно-таки нежна и переносит отрицательные моменты нашего климата, пожалуй, не лучше кани. В смысле одомашнивания и приручения нильгау несравненно податливее гну, хотя и уступает в этом кани. Большинство нильгау, если их соответствующим образом воспитывать с молодого возраста, становятся совершенно ручными, берут из рук корм, позволяют себя гладить и т. п. Однако все нильгау страдают какой-то повышенной нервной пугливостью. Достаточно какого-нибудь пустяка, например появления в антилопнике незнакомого человека в яркоокрашенном костюме, как даже ручные нильгау вдруг приходят в паническое состояние и начинают бросаться на стенки денников.

Тем не менее, у нильгау есть весьма ценное качество — это ее высокая плодовитость. Самки, как правило, телятся двойнями и, при соответствующем зоотехническом режиме, от них можно получать по три отела в каждые два года. Следовательно, за четыре года нор-

Группа сайгаков в зоопарке.

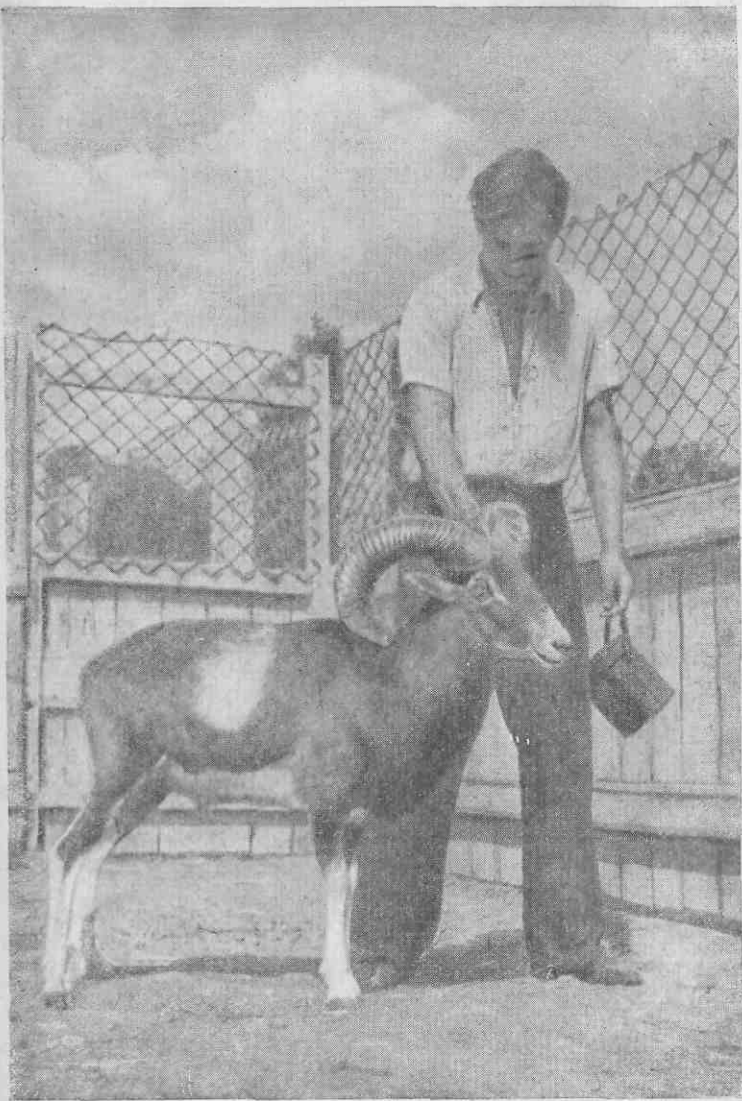
мальная самка нильгау может принести до двенадцати телят. Такую плодовитость у крупного жвачного животного можно считать рекордной, и уже только поэтому стоит поработать над этим оригинальным видом.

В ином плане проходит работа зоопарка с отечественным видом — сайгой. Эта небольшая антилопка, ростом с мелкую овцу, представляет для нас пока лишь культурную ценность, как исчезающий и очень своеобразный вид. Ее нужно сохранить, как прежнего типичного представителя животного мира наших южных русских и украинских степей. Сайга очень требовательна, ей нужны широкие просторы целинных степей, нужна возможность перемещаться на большие расстояния, в зависимости от сезона года. Поэтому разведение сайги в условиях зоопарка сопряжено с целым рядом затруднений. Вся беда в том, что пока еще не удается приучить сайгаков к вольному выпасу под присмотром пастуха. Выпущенные в степь, они сразу же разбегаются, буквально куда глаза глядят. В связи с этим сайгаков в Аскании-Нова содержат в больших вольерах. Главное, что сейчас требуется, это изучить особенности питания и всей физиологии данных животных, которые, повидимому, представляют большое отличие от других мелких копытных. У сайгака носовые полости сильно раздуты и похожи на зачаток хобота. В таком носу поверхность слизистой оболочки очень велика и служит прекрасным очистителем пыльного степного воздуха, которым дышит сайгак.

Другая наша степная антилопа — джейран, робкая и грациозная, представлена в зоопарке небольшой группой и служит главным образом в качестве наглядного материала для экскурсантов, студентов-практикантов и прочих гостей зоопарка.

Акклиматизация новых видов полезных животных на нашем Юге не всегда осуществляется путем осеверения тропических видов. Иногда бывает нужно делать наоборот, — переселять северных лесных животных в южные степи и лесостепи. Так делается в Аскании-Нова с пантовыми оленями — маралом и пятнистым. Это животные, дающие человеку, кроме мяса и шкуры, ценнейшее лекарственное сырье — панты, то есть молодые рога, срезанные в период их роста, в мае — июне.

Пантовые олени в нашей стране уже более полустолетия одомашниваются и разводятся загонным способом

Дикий баран муфлон и его «попечитель».

на Алтае, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Но загонный способ несовершенен, при нем весьма усложняются задачи полноценного кормления животных, их приручения, борьбы с паразитами. Заборы, огораживающие оленьи загоны, требуют много строительных материалов и поглощают значительную часть доходов оленеводческого хозяйства. Поэтому наши оленеводы давно уже мечтают приучить оленей к вольному выпасу, как пасут домашний скот, и вовсе отказаться от дорогостоящих загонов. Но в условиях горной тайги Сибири и Дальнего Востока осуществить это почти невозможно. Даже самые опытные пастухи очень скоро растеряют своих оленей среди сопок, лесной чащи и могучего высокотравья лесных гарей. Спасаясь от слепней и мошек, олени не будут слушать ни окриков пастуха, ни хлопанья арапника. Но совсем другое дело может быть, если питомник пантовых оленей будет находиться на равнине, в окружении открытых пастбищных пространств с небольшими островками леса, короче говоря, в обжитых областях юга России или Украины. Там будет нетрудно управлять полудомашним стадом оленей.

За создание такого питомника пантовых оленей на юге Украины взялся асканийский зоопарк и успешно с этой задачей справился. В отделении зоопарка «Буркуты» стадо пятнистых оленей, более полсотни голов, пасется в древней пойме Днепра, среди березовых лесков, песчаных дюн, небольших тростниковых озер, и легко управляется одним конным пастухом.

Но как же мирится дальневосточный олень, исконное таежное животное, в корме которого должны преобладать древесные ветки и листья, как же он мирится с лесостепью, с совершенно иными условиями жизни, чем у себя на родине?

Но очень велика власть советского человека, вооруженного передовыми биологическими знаниями, над природой животных. Это можно доказать рядом примеров.

Асканийский пятнистый олень, воспитанный в ряде поколений в условиях приднепровской лесостепи, совершенно изменил свои потребности и стал новой, лесостепной формой пятнистого оленя.

С сибирским оленем маралом в Аскании-Нова сделали еще больше. Скрестив его с крымским благородным

Индокитайская свинья со своим потомством.

оленем и проведя затем селекцию, при воспитании молодняка в настоящих степных условиях, получили новую форму оленя — асканийского марала, который может жить в голой ковыльной степи, совершенно не нуждаясь в веточном корме, не боясь солнца и степного ветра и нисколько при этом не теряя своих промысловых качеств. Поэтому асканийским маралом сейчас успешно заселяются, как вольным охотничьим животным, не только днепровские плавни, но и совершенно голые, безлесные острова у северных берегов Азовского и Черного морей, на которых раньше пасли только овец, да и то лишь там, где были артезианские колодцы.

Примерно такие же результаты дала и акклиматизация в степи европейской лани. Это животное тоже начинают использовать для заселения охотничьих хозяйств и парков на юге Украины. Хорошо прижилась асканийская лань на острове Хортица — месте прославленной Запорожской Сечи. А год назад были выпущены лани в охотничий заповедник в Колхиде.

С различными видами диких коз и баранов, из которых в Аскании-Нова есть сибирские козероги, архар,

«Колониальная» сворешня в зоопарке.

гривистый баран и муфлоны, ведутся интересные опыты по гибридизации их с родственными домашними формами. Недавно получили гибридных козлят от козерога и ангорской козы. Они еще маленькие, и пока трудно сказать, какие у них разовьются хозяйственно-интересные особенности.

В зоопарке представлены оба предка домашних свиней— европейский кабан и дикая индокитайская свинья. Индокитайскую, в целях разведки, скрещивали с домашней свиньей беркширской породы. Полученные от этих скрещиваний многочисленные гибриды сейчас изучаются специалистами.

Общим принципом содержания копытных животных в асканийском зоопарке является постепенный отказ от загонов и вольер и перевод всех животных на вольное пастбище. Это удалось уже осуществить в отношении подавляющего большинства имеющихся здесь видов. Сейчас вольно пасутся в степи зебры, антилопы канна, олени и все без исключения дикие и полудикие быки. Работники зоопарка надеются, что рано или поздно будут выгоняться на пастбище и такие своевольные жи-

вотные, как гну, нильгау, сайгаки и лани. Тогда можно будет ликвидировать и знаменитый «большой загон» асканийского зоопарка, как отжившее свое время, ненужное сооружение.

Итак, что же из своих достижений сможет вскоре передать советскому народу асканийский зоопарк?

Прежде всего, одомашненную антилопу канна, которая будет давать замечательное, жирное и целебное, молоко, а также вкусное, питательное мясо.

Одомашненного страуса нанду, который постепенно станет обычной и очень выгодной птицей в колхозных и совхозных птицеводческих фермах на юге страны.

Новую высокодоходную отрасль животноводства для лесостепных областей — лантовое оленеводство.

Наконец, — охотничьего оленя, лань, фазана для заселения охотничьих угодий, для того, чтобы курские охотники смогли поохотиться на редкую дичь, о которой сейчас они большей частью знают только по книжкам.

Для борьбы с вредителями полей и лесных полос разработаны методы привлечения в них полезных птиц.

Эти подарки предназначены не для далеких наших

Юный натуралист устанавливает скворешню.

потомков, а для уже родившихся внуков, для тех, которые растут, бегают и скоро будут поступать в школы.

Что же касается, как говорят, «дальнего прицела», то есть перспектив на грядущие сто-полтораста лет, то уже сейчас можно представить, как велики будут наши достижения к тому времени в части использования и обогащения животного мира. В условиях коммунистического общества эта работа даст исключительно богатые результаты.

Можно быть уверенными, что внукам наших внуков будут служить многочисленные животные, предназначенные для самых разнообразных хозяйственных и культурных надобностей. В их число войдут и такие животные, каких пока еще нет на земле, но они будут вызваны в жизнь знаниями, трудом и искусством человека. Это те «существа будущего», создание которых предвидел великий преобразователь природы И. В. Мичурин.

Лучшим мериллом заслуг любого научного учреждения в нашей стране является его популярность в широких слоях нашего народа.

Начиная с Первомайских праздников и до поздней осени в Асканию-Нова непрерывными потоками едут экскурсанты — колхозники, рабочие, ученые, студенты, шумливая и любопытная школьная детвора. За лето здесь перебивают десятки тысяч посетителей.

Повидимому, Асканию-Нова есть чем гордиться, если ее трудами и научными исканиями так живо и любовно интересуется наш замечательный, любознательный и отзывчивый народ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Аскания-Нова и ее место на карте	5
Природа Присивашья	7
Немного истории	17
Зеленый остров	29
Новые породы и новые методы	44
Преобразование фауны	58
Подарки внукам	66

Фотографии А. И. Попова

Обложка В. Зенькович и Л. Коростышевского

*Отзывы и пожелания издательству
направляйте по адресу: Ленинград,
набережная Кутузова, 6,
Дом детской книги Детгиза*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Л. Джалалбекова

Художник-редактор Ю. Киселев. Технический редактор Т. Лейкина. Корректор Л. Дрожжина. Подписано к печати 15 XI 1950 г. 84 × 103^{3/4} мм. Бум. л. 1^{3/4}. Печ. л. 5,34. Авт. л. 3,76. Уч.-изд. л. 5,24. Зак. № 542. Тираж. 45 000. М-35239
Цена 3 р. 60 к., 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР, Ленинград, 2-я Советская, 7.